

## Светлана Покрова. “Недостающая молекула”

С благодарностью и признательностью

Евдокии Дмитриевне Лучезарновой

за её бесценные книги

Ох уж, эти перемены! Иногда они нам так не нравятся, что мы отчаянно боремся... или опускаем руки. А иногда - всеми силами желаем что-то изменить, но бьёмся как рыба об лёд. Бывают, правда, перемены, за которые мы возносим руки к небу в благодарной молитве.

Так вот, все эти перемены, перипетии или стоячее болото - всё это лишь результат. Это то, что стоит после знака равенства в формуле жизни. Это с результатом мы боремся или безропотно смиряемся. Это с результатом научилась работать наша цивилизация, предлагая нам услуги профессионалов во всех областях жизни, если результат нас не устраивает. Но сам момент изменения происходит по другую сторону от знака равенства, там, где находится сама формула.

Это выглядит так. Человек решил поучаствовать в событии. Само событие - независимо от того, будет ли человек в нём участвовать или нет - имеет свои закономерности, которые мы представим в виде формулы. Человек подставляет в эту формулу свои параметры, их немало: физические возможности, душевные качества, волевые свойства, параметры мозга всевозможные, способности, количество наличных на банковской карте... Эти индивидуальные параметры подставляются в общую формулу - результат получаем тоже индивидуальный. Но формула данного события для всех одна! Может случиться так, что нулевое значение всего одного параметра - иначе говоря, его отсутствие - может привести к нулевому результату всей формулы, а человек будет думать, что ему катастрофически не везёт в любви, например. А что, если он будете знать

формулу самой любви? Он легко увидит, какого параметра не хватило, где вместо плюса он поставил минус и другие ошибки, которые можно бы исправить, вот только бы знать!

А знать реально, а почему нет? Не только материальный мир проявленной вселенной устроен разумно и существует по законам, полностью описанным математическими формулами - от мельчайших частиц до галактик, но и мир человеческого существа тоже разумен, объясним, структурирован. Хотя это существо человеческое плевать хотело на законы диалектики, не желает вычитаться и складываться, где это положено природой, способен меняться полярно без всяких на то внешних причин и факторов, а вот снег так просто не растает, - у него, этого существа, тоже есть свои «формулы».

Знакомьтесь, Евдокия Лучезарнова. В её книгах - всё о существах разумных, у которых только маленькая точка тела подчиняется законам физики, а вся остальная составляющая человека живёт по другим законам, которые не нами писаны, не нам менять, но грех не пользоваться.

И что мне нравится в этой женщине, - она, заведомо исключая все споры, на которые так заточено наше человечество, спрашивает: «Надо ли мне верить? - и тут же отвечает. - Нет. Ни в коем случае! Проверьте всё!»

Проверять?! Это же значит надо наблюдать за собой и окружающими, запоминать, анализировать... думать! Это же такой труд! Куда проще было бы поспорить.

И вот я уже много лет читаю её книги, молчу и проверяю. Что-то до сих пор скрыто от моего понимания, и тогда - это просто буквы на листах её книг. А что-то неспешно разворачивается спектаклем жизни, где я иногда участвую, иногда наблюдаю со стороны... вот теперь ещё и записала в виде рассказов, видоизменив действительность: где-то оставила суть происходящего, но поменяла форму проявления, а где-то сохранила форму события, но поменяла содержимое, наполнитель.

Но только не судите о самих «формулах» по моим рассказам, читайте автора - Евдокию Лучезарнову.

## Недостающая молекула

### Семейная сага на фоне хоккея

Я нежился в постели, когда сквозь дремоту услышал неясные шорохи в прихожей, щелчок входной двери и тихие мамины шаги на кухню. Напомнив себе, что в детский сад сегодня идти не надо, довольный провалился в сон. Небо за окном уже высветлело, но на улице было пустынно и тихо - я был не одинок среди жителей маленького микрорайона на краю города, окутанных состоянием субботнего утреннего блаженства. А мой отец в старой фуфайке и больших валенках с деревянной лопатой на плече спускался по лестнице. Представьте героя американского вестерна, героя-одиночку с впечатляющим рельефом мускул, мужественным и суровым лицом, которое никогда не улыбается посторонним людям - это он и есть.

Отец шагал вдоль дома под громкий хруст снега, под осыпавшийся с веток иней, не обращая внимания на мороз, нехотя сползавший с отметки -27. Когда он свернул за угол, то посреди улицы увидел внушительных размеров собаку, словно поджидавшую кого-то, на земле валялся свободный конец поводка. Она сорвалась с места и галопом понеслась в его сторону - оскаленная пасть и глухое рычание позволяли безошибочно угадать её намерения. Отец остановился, перехватил поудобнее лопату и какое-то время отмахивался от собаки, не давая возможности вцепиться, но ей удалось поцарапать руку и выдрать из рукава фуфайки клочок серой ваты. Когда псина попыталась вцепиться в голень ноги, ей по верхней челюсти пришелся мощный удар кулаком, который хоть и заставил зверя заскулить и отскочить, но вряд ли остановил бы, не подоспей хозяин - мятый и заспанный.

- И что за идиот! Не смог оторвать свою задницу от дивана и выгулять собаку... Ещё раз увижу - убью... в смысле собаку, - тихо ругался отец, когда мама обрабатывала раны и царапины, бинтовала запястье.

Отец повозился в прихожей с лопатой, приводя её в рабочее состояние, и через час снова шёл по двору дома, потом по улице до новенькой школы, в которую я пойду через два года, а дальше по тропинке к маленькому пруду. Пруд этот в небольшой низине за школой - всего лишь большая лужа, но над ним возвышается добротный мост и широкая парковая аллея. На краю пруда отец остановился, оценивая полутораметровую толщину снега, поправил повязку на руке, критически осмотрел лопату и принялся за работу. Он нарезал снег кубиками, как продавец в магазине нарезает масло, и отбрасывал в сторону. Когда солнце уже во всю светило, а я уминал блины со сметаной, часть пруда была расчищена до самого льда, а отец всё работал и не сразу услышал, как его окликнули с моста:

- Эй, привет! Что ты делаешь?

- А ты не видишь, - перевёл дух отец, опёршись на лопату.

- Я вижу, только не понимаю, - не унимался первый.

- Брось огребать землю, пошли играть, - позвал другой.

- Точно, лопатой у тебя еще лучше будет получаться, - пошутил третий.

- Идите, тренируйтесь, - закончил разговор отец, - а завтра я задам вам жару.

- Как в прошлый раз?

Когда большой и ровный круг льда был расчищен, а сугробы по его краям выросли вдвое, солнце покраснело от натуги, словно морозить землю было нелёгким делом. Завершающий момент не занял много времени: вёдра парящей воды были принесены из бойлерной, вылиты на лёд и быстро размазаны широкой шваброй с прибитым к ней куском одеяла. Уже к позднему обеду мы с отцом сидели за столом, ожидая, когда мама поставит на стол большую тарелку дымящейся картошки.

На следующее утро меня тщательно одели. У нас - детей конца восьмидесятых - была тяжёлая броня: трое штанов, цигейковая шуба, меховая шапка, как танкистский шлем, под ней еще одна, шерстяная с клювиком или бабушкин платок. Валенки до колен. Шапку к голове прижимала резинка, словно нулевой и сто-восьмидесятый меридиан, шубу по экватору подпоясывал пояс, шею полярным кругом стягивал шарф с узлом на спине - для удобства родителям.

В особые холода, как например сегодня, нам, детям, наглухо завязывали нос и рот этим шарфом, на который накидывали платочек - самая гадкая часть в гардеробе. Зато в таком виде я, в общем-то, и не знал, что такое мороз. А сегодня хоть и -27 - никаких платочков!

Докатился я, весь такой круглый, держась за маму, до школы, свернул на бугристую тропинку и вскоре в низине увидел отца. Я хотел побежать к нему, но по техническим причинам не смог и набрался терпения. Увидев игрушечный каток, можно сказать, свой собственный, я предвкушал, как сейчас изображу всё, что запечатлелось в моей детской памяти от дворового хоккея. На льду отец к моим валенкам прикрепил какие-то подозрительные двухполозные коньки с позорным названием «Снегурка» и стал настойчиво отправлять маму домой, не смотря на её возражения и просьбы остаться.

- Иди, иди, мам, - поддакивал я отцу из-за шарфа, предвидя настоящее мужское дело.

Но на деле оказалось, что я не только не могу кататься, но даже и ходить. Да что греха таить, я даже не мог нормально подняться, упав, и долго барахтался, как толстая рыбина. А отец неподвижно стоял на краю льда и имел очень разочарованный вид (не знаю, как ему это удавалось). Этого я допустить не мог, поэтому научился-таки падать и вставать самостоятельно.

А вечером я стоял на своём любимом месте - на утоптанном и скользком снежном бугре, держась за деревянный каркас хоккейной коробки, и с восхищением смотрел, как гоняет шайбу мой отец со своими друзьями. На льду он был совсем другой: он играл, так, словно от его игры зависела судьба всей планеты, он выкладывался без остатка и казался мне супергероем. А мне он сказал, что я тоже так смогу, значит - так оно и будет! «Мне бы только настоящие коньки, - мечтал я, - а не эти, как их там... ведь из-за них я сегодня всё время падал. А вот если бы мне настоящие...»

Мне исполнилось девять лет. Я сидел за письменным столом и старался писать очень быстро, получалось, правда, коряво, но выбора не было.

Я старался писать быстро, но всё же не успел.

- Так, давай на турник, - отец уже командовал из прихожей, вернувшись с работы. - Считаю.

Это означало начало моей тренировки.

- Теперь удары правой, - он надел на руку здоровую кожаную «лапу», по которой я принялся бить со всей силы.

- Теперь левой...

- Гусиный шаг...

- Прыжки в хоккейной стойке...

- Петушиный бой.

Пока мы с отцом прыгали на одной ноге на ковре, пытаюсь вытолкнуть друг друга за его пределы, с кухни позвала мама:

- Идите ужинать, пельмени на столе.

Когда ужин подходил к концу, мама осторожно сказала:

- Сегодня, наверно, придётся отложить вашу тренировку, Максусу задали большое сочинение, написать-то он его написал, а вот переписать в тетрадь не успел.

- Я, по-моему, просил тебя, - строго глядя на меня сказал отец, - чтобы к моему приходу у тебя все уроки были сделаны.

- Я старался.

- Иногда можно сделать и небольшое исключение, - мягко вступилась мать, - ведь учёба не должна задвигаться на второй план, - она набрала из-под крана воду в чайник и поставила на газ.

- Хочешь поговорить? - отодвинул пустую тарелку отец.

Я сунул в рот последний пельмень и скользнул за занавеску у балконной двери, словно меня тут и не было. Окно сильно запотело, за ним чернела непроглядная тьма.

- Главное для ребёнка, - слушал я из укрытия маму, - это учёба, чтобы потом ему было легче определиться с выбором пути. Но мне кажется, что этот выбор ты за него уже сделал. Не слишком ли рано?

Я пальчиком нарисовал на стекле неуклюжего вратаря в позиции обороны.

- Да, я сделал выбор, но как раз вовремя! Я скажу тебе, что такое «рано», и чтобы ты больше эту тему не поднимала! - сурово начал отец.

Рядом я нарисовал хоккеиста, он быстро бежал, согнувшись пополам, с выброшенной вперёд клюшкой.

- Когда мне было десять, - продолжал отец, - на городских соревнованиях дворовых команд наша заняла первое место, и меня, как лучшего, пригласили заниматься в хоккейную секцию. Я-то был рад, а вот родители не разделяли моих восторгов: «Хватит с тебя и во дворе шайбу гонять».

Я старательно выводил на стекле счастливого игрока, только что забившего шайбу, с поднятыми вверх руками и клюшкой.

- Я стал ездить тайком, но меня через неделю вычислили, отобрали и коньки, и клюшку. Без хоккея я продержался три дня и сдался, подумал - лучше уж во дворе, чем совсем никак. Когда же я в старших классах сам поехал в секцию, мне сказали: «Поздно, молодой человек». Вот так и твоё «рано» в два счёта окажется «поздно», ты этого хочешь для него?

- Но, ты уверен, что Максим также будет болеть хоккеем, как и ты?

- Да, я уверен! Я с ним разговаривал.

Это правда. Я был уверен, что хочу кататься, как отец, а он играл в команде лучше всех...

- Где ты там? - позвал меня отец. - Занятия сегодня немного сократим, допишешь своё сочинение перед сном, но, чтобы это было в последний раз, если ты, конечно, хочешь стать настоящим хоккеистом, - пристально посмотрел он на меня.

- Хочу, - промычал я.

Мать задёрнула за мной шторы и разлила по чашкам чай.

Так день за днём тянулась моя зима. Со стороны могло показаться, что каждый день - одно и то же: школа, домашние уроки, тренировка. Но мной по-детски подробно различалось многое - хруст льда под коньком, упругий удар клюшки, колющие метельные снежинки на щеках, шелест школьных тетрадей, ворона за окном на толстой ветке - много еще чего наполняло каждый мой миг, задерживалось, выделялось.

В один из будничных рано темнеющих дней после ужина мы с отцом собирались в прихожей - я сидел на скамейке, надевал коньки, отец шнуровал. Коньки у меня теперь настоящие, правда, сильно потёртые, с чужого плеча. Но я уверен, что на новый год под ёлкой я обязательно найду новенькие.

Нас в прихожей провожали мама и бабушка:

- Ну, зачем ты его на себе всё время таскаешь? - спрашивала бабушка.

- А как я, по-твоему, должен в сугробе, в темноте и на морозе ему нормально конёк зашнуровать? Это тебе не балет.

Я живо представил себя в пуантах на льду с клюшкой в руках и про себя улыбнулся.

- Ну, пусть он аккуратно спуститься по ступенькам сам, - это уже мамин голос.

- Чтобы затупить лезвие и быть, как корова на льду?

Я тут же представил корову, балансирующую копытами, но отец был серьёзен, и я - тоже.

- Ведь тяжело же... Это ладно вниз с восьмого этажа, а вверх тащить его? - опять бабушка.

- У хоккеистов есть такие упражнения, которые они выполняют с партнёром на спине. А это разве партнёр? - кивнул на меня отец.

Он закончил шнуровать, присел ко мне спиной, я схватил его за плечи, и... поехали.

На пруду было темно, эта часть микрорайона не освещалась, не было сегодня и лунного прожектора, хорошо хоть облака отражали городскую подсветку. Постепенно глаза привыкли к темноте. Я выполнил бег по восьмёрке, рывки и ускорения, движения спиной, но всё же тренировка сегодня как-то не задалась. Отец решил обучить меня новому приёму, когда ведёшь шайбу клюшкой, потом посылаешь её себе на конёк, а коньком отфутболиваешь обратно на клюшку. Сначала я вообще не мог понять, что от меня требуется. Отец-то на валенках, не мог показать. А когда я, наконец-то, понял, то не смог изобразить. То, что получалось у меня, так выводило из себя отца, что его крик разносился далеко по округе. Я даже подумал - не услышала бы мама, стоя у открытой форточке на кухне. Я старался, как мог, но, видя нарастающий гнев отца, подумал: ещё одна моя неудача, и он сломает об меня клюшку.

И тут пришла мама - услышала - и приняла на себя разряд.

- И что, что поздно?! Я знаю, что двенадцатый час... Нет, я сказал, он не пойдёт домой, пока не сделает эту передачу... А ты чё припёрлась? Иди, занимайся своими кастрюлями... Хотя нет, иди встань в ворота... Да не выьем мы тебе зубы, видишь, я шайбу меняю на мяч... Фингал? Это может быть... И что, что



темно?! Постоишь, приглядишься... А ты чего рот разинул? Давай, забивай! Бросок с «удобной руки», потом - с «неудобной». Еще раз... ещё... Так, а ты теперь, давай нападай на него... да просто бе-ги! ему навстречу! А ты обводи её, не стой, как дуб у лукоморья... А если ты уж уперся в неё, так катни хотя бы мяч между ног... вот бестолковые какие!

Прошло ещё два года. Тот пруд, где я впервые встал на коньки, уже давно никто не огребает. Меня отец возит в ледовую арену «Союз» в центре города.

Сегодня меня в «Союз» впервые повезла мама. Ей уже давно хотелось на меня посмотреть в полном снаряжении, которое сложено в большой баул у неё на плече. Она оставила мою полугодовалую сестричку у бабушки с дедом и стойко переносила все неудобства - и тяжесть ноши, и длительное замерзание на остановке. По лицу видно, что она мной гордится и восхищается. Мне всё тоже очень нравилось: настоящая форма со щитками и шлемом, ровный лёд, яркий свет, плюс команда таких же как я, и тренер со свистком. На обратном пути в автобусе мама мне говорила:

- Макс, остальных я не разглядела, но ты у меня просто молодец! Бегаешь быстро, шайбу ведёшь куда надо... Только постарайся, пожалуйста, пореже сталкиваться со своими товарищами и не врезаться в ограждение, а то у меня сердце разрывается.

- Мам, это не столкновение с товарищами, это силовое единоборство, игра корпусом. Я могу толкнуть соперника плечом, могу бедром, это всё по правилам.

- Господи, да кто же придумал такие правила! что можно сшибать с ног ребёнка! Да еще на льду. Сами, небось, не пробовали падать...

- ... а в ограждение мы врезались умышленно, когда отрабатывали обводку соперника от борта.

Зато отец меня всегда удивлял. Всё что говорил нам тренер, всё что показывал во время тренировки, отец знал и по дороге домой разъяснял подробно. На другой же вечер мы шли с ним в коробку и всё это тщательно отрабатывали, и на следующий день - тоже.

И вот мы дома. Мама отогревается, обхватив большую горячую кружку двумя руками, кончик носа у неё до сих пор красный - ледовая арена, она и есть

ледовая. Я ем за троих, Ксюша сидит у отца на коленях, тербит пуговицу на его рубахе.

- Я принял решение, - сказал неожиданно отец. - Вы переезжаете в Чепецк, там есть хоккейный клуб. А из этой секции дальше не будет хода, это тупик.

- Почему тупик? Там так здорово! - удивился я.

- Потому это секция - она для любителей, а хоккейный клуб - для профессионалов.

- Я... с двумя детьми? - в свою очередь спросила мама.

- Да! Ты с двумя детьми. А что такого?! Хоть в клубе и есть интернат для иногородних, но, думаю, так Максиму будет лучше. Снимем дешёвую квартиру. Я возьму дополнительные смены на заводе, а к вам буду по выходным приезжать.

- Но здесь у нас родители, они мне помогают... - мама говорила сама с собой.

- Пап, я что буду заниматься в том клубе, откуда вышел Мальцев?

- А также Мышкин и Трефилов.

- Круто, - выдохнул я.

Так меня приняли в чепецкий хоккейный клуб «Вымпел». После современной крытой ледовой арены он меня сильно разочаровал допотопной деревянной коробкой под открытым небом, но отец сказал: «Здоровее будешь». А мама... хорошо, что, занятая всецело Ксюшей, она не видела, как ужесточились мои тренировки. У неё бы точно сердце разорвалось от вида новых упражнений, когда мы кувыркались на льду или падали всем телом на оба колена, вставали и снова падали. А вчера тренер положил ворота на лёд, а нам предстояло с разбега перепрыгнуть их вдоль длинной стороны. Только бы не зацепить сетку.

А родителям в тот первый день предстояло ещё одно важное дело - подыскать жильё. Они шли по незнакомому городу наугад, читали объявления на заборах и остановках, звонили из телефонных будок, но все варианты были им не по карману. Они окончательно замёрзли, когда в одном дворе, несмотря на зиму, обнаружили сборище бабулек, не пожелавших изменить своим летним привычкам. Это оказалось очень кстати.

- Извините, - скованно выговорила мама, - вы не подскажите, сдаёт ли кто в этих домах однокомнатную квартиру недорого?

- Да тут полно пустых квартир! - охотно просветили их бабушки.

- Вот у Ермистовых, например, 78-я.

- Нет-нет, они иногда бывают наездами, то живут, то не живут, но у них очень хорошая квартира.

- Тогда вот ещё у Тихоновых пустует 34-я, вон там, - махнула рукой бабушка на противоположный дом, - хорошо обставлена, по последнему пisku.

- Ты что, Егоровна, да разве ж они сдадут! У них там итальянский диван, чешская люстра и японский телевизор!

- Верно говоришь. Ну, тогда, Калашниковы из 2-ой.

- Да они же обдерут их как липок, ведь жадные донельзя.

- Ой, а про Галю-то из 45-ой забыли! Она сдаст, точно сдаст!

- И в правду! - обрадовались бабушки и заговорили все разом, - у неё муж как уйдёт в запой, так и идёт на эту квартиру, она рада будет сдать вам недорого... Вот только квартира вам не понравится, ой, не понра-а-авится.

- Зато, почитай, даром будет.

Так мои родители оказались в убогой и запущенной квартире на первом этаже, из которой хозяйка в срочном порядке выдворяла мужа-пьяницу. К моему приезду было прибрано, но из-за скудной мебели-развалюхи, всё же очень неуютно. Когда на кухне мама включала газовую плиту, из неё во все стороны рассыпались тараканы, обеспокоенные перепадом температур. По субботам к нам приезжал отец и первым делом шёл в клуб смотреть на мою игру. Часто нас тренировал сам директор клуба, Петр Васильевич, и тогда отец неизменно находился рядом.

На одной из тренировок нам поставили задачу - обойти защитника. Я на него качусь, он откатывается спиной. Когда я пытаюсь его обойти, он толкает меня, здоровенный детина, и я падаю... вот уже третий раз подряд, зараза. «Ну ладно, - разозлился я, - сейчас поглядим, кто кого». Я кое-что вспомнил. Набрал скорость, мой враг так же быстро откатывается назад. Я отвожу шайбу влево, замахваюсь так естественно, словно собираюсь сделать бросок по воротам прямо отсюда. Защитнику в таком случае надо опуститься на лёд и принять шайбу на себя. Для этого он притормаживает, что мне и надо. Я резко перевожу шайбу слева направо, толкаю прямо под его клюшкой и проскакиваю рядом сам, ведь он уже потерял скорость, а я - нет.

- Понятно, уже прошли, - одобрительно кивнул Петр Васильевич. - Но обрати внимание, на силовой приём он не идёт до последнего, интеллигент.

- Доработаем, - кивнул отец.

Вечером я играл с Ксюшей, она уже научилась уверенно сидеть, и мы расположились с ней на полу на расстеленном большом ватном одеяле. Мне была поставлена задача - следить, чтобы сестра не уползала с одеяла и не собирала по угламдохлых тараканов, тем более, не тащила их в рот. Я неплохо справлялся с своими обязанностями, прислушиваясь к разговору на кухне:

- Ты знаешь, нам этих денег не хватает, мы с трудом укладываемся в эту сумму, - мама держала перед собой тонко сложенные пополам купюры.

- Просто ты не умеешь планировать расходы, покупаешь всякую ерунду.

- Да ничего подобного. Одни памперсы, да ксюшины каши чего только стоят.

- Но и я не могу работать по 48 часов в сутки. Это - все наши деньги. Даже если бы я и хотел дать вам больше, то их просто нет... Будь поэкономней, не балуй ни детей, ни себя.

- Да чем же я их балую... а себя-то чем?

Этой ночью я почти не спал. Ксюша заболела и плакала, не переставая. Не выспавшись, я ушёл учиться, потом на тренировку, а когда вернулся вечером домой, мама была сама не своя:

- Макс, я все деньги потратила на лекарства. Может быть, я и не права, но я купила самое дорогое. В аптеке сказали, что это самое лучшее. Ну не могла же я экономить на здоровье ребёнка!.. И вот, что у меня осталось, - мама вытряхнула из кармана на стол мелочь.

- Давай посчитаем, - начал я двигать монеты. - Каша у Ксюши есть?

- Каша есть, слава богу.

- Памперсы?

- Обойдёмся без них.

- Значит только на молоко. Сколько?

- Два пакета по 17 рублей.

- 34 рубля - есть, - сказал я, отодвигая нужную сумму. - Ролтон на 6 дней по 2-20 тебе и мне, - я помедлил, считая в уме, - 26-40, есть.

На столе у меня остались еще несколько монет.

- Вот еще на буханку хлеба хватит. Всего-то неделю продержаться, - успокаивал я маму.

Ксюша выздоравливала тяжело и медленно. Спать из-за насморка она не могла, поэтому все ночи - у мамы на руках. Как не открою глаза, Ксюша стоит на подоконнике, поддерживаемая под руки, слегка, то ли подпрыгивает, то ли приседает. Окна наши выходили на улицу, так что можно было всю ночь наблюдать проезжающие мимо машины и припозднившихся прохожих. Так утомительно тянулась эта длинная неделя. Мы старались лишней раз не заходить на пустую кухню, чтобы не вспоминать о еде. А в пятницу рано-рано утром мне приснился запах колбасы, я подумал, что начались галлюцинации. Но я проснулся, а аромат остался. Я пулей вылетел на кухню в одних трусах:

- Дед! Откуда ты здесь, да еще так рано?

А сам смотрю на стол - картошка, морковь, масло, хлеб, а где же колбаса?

- Как ты узнал, что нам тут туго? - допытывался я, жуя вожделенный бутерброд.

- Да ничего я не знал.

- Мам, ну чего ты плачешь-то?

- Я не плачу, - мама смахнула слезу. - Только я никогда не думала, что самое страшное для матери не знать, чем накормить ребёнка.

И вот мне уже 14. Наш поезд подошёл на родной вокзал, и я еще издали в окно увидел знакомую фигуру матери чуть в стороне от толпы встречающих, а рядом Ксюшу, ни минуты не стоящую спокойно. Так и скачет от нетерпения на месте. Нет, я в свои четыре года всё же был поспокойнее, как сейчас помню.

- Ну что, мать, - начал с хорошей новости папа, - сына твоего приняли в московское Динамо! Для обучения - это один из клубов самого высокого уровня! Так что, собирай манатки, перебираемся в столицу. Мы и квартиру уже присмотрели, правда, на самой окраине.

- Я даже боюсь спрашивать, сколько стоит эта ваша квартира.

- Вот и не спрашивай. А что нам цена? Ксюша в детский сад пойдёт, тебе, опытному кадровику со знанием языка, работу найти - раз плюнуть. Хорошие деньги будешь зарабатывать!

- Такая же, небось, страшная, как в Чепецке.

- Не, евроремонт в российском исполнении я тебе гарантирую.

Московская жизнь закружила всех в своём колесе. Каждый уходил и приходил по своему графику, отец - по сменам в охране. Иногда мы собирались вместе, и тогда в однокомнатной квартире становилось тесно, особенно от вездесущей егозы, которой жизненно необходимо было знать, кто и чем занимается каждую минуту.

Отец всё свободное от работы время посвящал хоккею: все чемпионаты были записаны, тщательно проанализированы при многократном просмотре, вся информация из интернета была использована. Он ни разу не пропустил ни одной моей динамовской игры. И если тренер удерживал своё внимание на всей команде, то отец смотрел только на меня и видел мельчайший промах, замешательство, ошибку. Ох, и доставалось мне по пути домой. Бывали случаи, когда отец давал иную трактовку некоторым моментам игры, и с его доводами я был более согласен с ним, чем с тренером. Это не значит, что тренер глупее отца, просто отец рассуждал теоретически, и знания его были обширны, а тренер знал наши реальные навыки и возможности. Но проходила неделя-другая, и мы начинали осваивать то, что на слух я уже воспринял.

По выходным, если отец не дежурил, мы ходили играть на стадион, где была открытая хоккейная коробка - я закреплял свои навыки, а он поддерживал форму. Однажды мы сходили очень удачно. К нашей коробке подошли колоритные мужики где-то за тридцать в полном хоккейном обмундировании, посмотрели на нас, скромно-невзрачных, и самый амбалистый сказал:

- Так, стар, да мал, ну-ка быстро освободили лёд.

- А ты, отрок, забей-ка сначала шайбу в мои ворота, - нарывался, надеюсь, на игру отец.

- Во-первых, ворота не в твои. А, во-вторых, знаешь ли ты, с кем имеешь дело?

- Я не хочу с тобой иметь никаких дел, только хочу посмотреть, как ты держишь клюшку.

- Лады, забью тебе шайбу, - рассмеялся такой настойчивости мужик, - минуты многовато будет, пожалуй. Эй, Сашок, встань-ка к ним в ворота, сыграем по-человечески, - смеялся он.

Мы сыграли два на два. Нам, конечно, пришлось очень туго. Мы проиграли, но и мужики минутой не отделились - отец, типа в случайном падении, уронил наши ворота, прикрыв ими Сашка, как раз перед обещанной и красиво поданной шайбой. А отыграв обещанную минуту, мы боролись дико на смерть, используя то преимущество, что на нас не было никакой защиты, а у мужиков в эти выходные, видимо, не входило в планы калечить кого бы то ни было, так что мы безрассудно нагнали по полной программе. Мы проиграли, но отец остался мной доволен, а амбал - отцом:

- Неужели нигде не учился?.. Во дворе на валенках?! Ну, ты, старик, даёшь...

По прошествии четырёх лет, когда в конце мая я принёс два диплома - по окончании средней школы и хоккейной юношеской школы «Динамо», меня ждал накрытый стол. Но самый главный подарок я получил неделей раньше - только что на экраны вышел фильм «Легенда № 17». Это так символично совпало с моим выпускным, так внутренне вдохновило меня, что я горел желанием расти и бороться, только не знал, где и как.

- Ну, что же теперь ты дальше будешь делать? - спросила мама, отложив дипломы на край стола, сервированного моими любимыми кушаньями: пельмени, салаты, финский сервелат, хрустящие огурчики.

- Я бы хотел, конечно, остаться играть в «Динамо», но меня не оставили.

Все принялись молча раскладывать еду по тарелкам, мама разлила в тонкие стаканы сок:

- Всё дело в том, что ты приезжий, - сказала она, здесь таких не жалуют.

- Да нет, были и местные пацаны, которые играли лучше меня, но ведь и их не оставили. Там ещё кое-что нужно.

- Хотя играл ты хорошо, - отец искренне похвалил без всяких оговорок мою последнюю динамовскую игру, на которую пришла вся семья. - Твои голевые передачи были точны и результативны. А какая обводка была во втором периоде! Какой мощный проход сквозь защиту в конце игры! Молодец.

- Конечно, молодец! Я смотрела и любовалась, хоть и ничего в вашем хоккее не понимаю, всё происходит так быстро... Но я смотрела и поражалась, на сколько же это мужественный вид спорта! В нём соединились все качества, необходимые

мужчине во все времена! Если представить наших далёких предков, дикарей, а наши ДНК, как известно, с тех пор почти не изменились...

- Макс, - перебил отец, - она смотрит на твою игру, а видит неандертальцев в шкурах убитых животных.

- Ага, - поддержал я, жуя, - а вратарь - это мамонт, на которого мы нападаем.

- А что, голкипер в своей экипировке вполне сойдёт за мамонта, - согласился отец.

- Конечно, неандертальцы, - продолжила мама, - были крупного телосложения, мощные и сильные в броне каменных мускул, они могли завалить медведя, бизона и мамонта...

- Ну, как мы.

- Да только они все вымерли.

- Мощные, сильные, крупные - это же канадцы! Точно, а я-то думаю, кого же мне эти неандертальцы напоминают? А чё они вымерли-то? - выругал я.

- Они правили миром, пока не поменялся климат. Когда закончилась «долгая зима» и началась жара, леса редели, отступали, а вместе с ними и крупные животные. А когда вымерли гиганты, вымерли и неандертальцы.

- А кто же выжил?

- А выжил бегущий человек, меньшего роста, худенький, жилистый, подвижный.

- Харламов!

- Ну-у-у, небось опять чего-то начиталась - понял, откуда дует ветер отец.

- А как же! «Рожденный бежать» Кристофера Макдугла - обалденная книга.

Так вот, там сказано, что наши предки ели мясо уже 2 миллиона лет назад, хотя луки и стрелы появились лишь 20 тысяч лет назад. Значит, в остальное время они добывали мясо голыми руками. Бегущие люди были смертоносным оружием в саване, они могли загнать лань, оленя, антилопу до смерти.

- Ну и как это они делали?

- Любая быстроногая зверушка срывается галопом при виде опасности, но бежать так она может недолго, только первое время она стремительно удаляется. А классный марафонец способен бежать трусцой часами! Бедная антилопа уже



через десяток километров начинает страдать от нехватки кислорода, получает перегрев, одышку, но ей не дают отдышаться, гонят, пока она не откинет копыта.

- Пап, я понял. Мама видит во время игры вместо шайбы маленького чёрного оленя, за которым гоняется толпа дикарей, пока не загонят её на тот свет - в ворота.

- Да, именно это я и вижу, та же выносливость и скорость - принципиально не сдавалась мама. - Да и действовали дикари коллективно, как и вы. Одному при всём желании оленя не загнать. Он тебя обманет в два счёта. Он сделает круг и вернётся в стадо, а из него выбежит свеженький олень, и будут тебя гонять так до бесконечности.

Ксюша сегодня чувствовала себя полновластной хозяйкой за столом и следила, чтобы за разговором мы не забывали про еду:

- Не добавить ли первобытному дикарюпельменей из оленя? - подкладывала она мне добавку.

- А вождю подавать курицу? Я сама её поймала в два счёта. ФНК или как там, у меня то же, что и предков.

- Только в хоккее, - уверенно продолжал отец, - есть то, чего не было у твоих дикарей - виртуозного владения телом, коньком и клюшкой. Видела, чего они вытворяют на больших скоростях?

- Может оно и так, - мама не сдавалась. - Но заметьте, бегали они не три периода по 20 минут, а от 3 до 6 часов по жаре и без пластиковых бутылок. Особо мотивированные охотники так увлекались погоней, что переставали контролировать себя. Тогда они возвращались немного назад и, глядя на свои следы, определяли состояние собственного тела! Подумать только, по следам! Если следы им говорили, что дела их плохи, они знали, как восстановить себя и снова продолжали охоту. По-моему - это тоже высший пилотаж.

- Да уж, обидно было бы загнать самого себя до смерти, - примирительно заключил я.

- Вот и ты у меня - сильный, выносливый, быстрый и ловкий...

- И если наступят голодные времена, - испортил отец панегирик, - то с парой товарищей, ты сможешь раздобыть еду - собаку что ли поймать во дворах.

- ... и не важно, будет ли хоккей присутствовать в твоей дальнейшей жизни, но качества эти останутся и помогут...

- Я что-то не пойму, что ты хочешь этим сказать? - напрягся отец. - Как это не важно, будет ли хоккей? Ты хочешь сказать, что всё, что было до этого, всё ради качеств? Все наши труды можно перечеркнуть одним махом и выбросить на помойку?! Ты это хочешь сказать?!

- Я хочу сказать, что хоккей ему поможет...

- Не говори ерунды «хоккей поможет»! - вскипел по-настоящему отец. - Всё остальное должно помогать хоккею! Ясно тебе? - он стукнул по столу рукой, словно поставил точку в разговоре.

Наступила тягостная пауза, как всегда, когда отец злился. Мама начала убирать со стала пустые тарелки. Ксюша принялась миролюбиво болтать, разряжая обстановку, а отец замолчал, словно задумался о чём-то. В это время закипел чайник, на стол водрузили великолепный торт, замелькали чашки, блюда, зазвенели ложки.

- У меня есть дальнейший план, - сказал, успокоившись, отец.

Он пододвинул к себе чай, отхлебнул глоток.

- И я уже обо всём договорился. Дело за малым... Ты, Макс, поедешь в Канаду, будешь играть там в молодежной лиге Онтарио... если мы конечно сможем найти для этого 350 тысяч.

- Вау, - восхищённо протянул я.

- Сколько?! - воскликнула мама. - Час от часу не легче! 350 тысяч! Да где же мы возьмём такие деньги? Только тридцатку каждый месяц выкидываем за квартиру... А как он там без языка-то будет?

- Вот уж проблема - язык... Макс, ты хочешь себя дальше продвигать в хоккее?

- Хочу, конечно.

- Ну всё, мать, думай, где будем деньги брать.

И вот я иду по Торонто в спорткомплекс Ontario Hockey League на тренировку. Иностранная речь, конечно, напрягает, но ничего не поделаешь, на чужом языке здесь говорить строго запрещено законом - так пошутили со мной русские знакомые, чтобы я быстрее выучил язык. На самом деле здесь среди эмигрантов такие диалекты стран южной Европы, Украины, Индии и Ближнего

востока! такие акценты и гибридные языки, что на ошибки речи никто не обращает внимания. Включай фантазию, импровизацию и общайся, как можешь.

Вчера нас обучали новому приёму. Тренер много говорил, но мне это без разницы, ведь он несколько раз показал, а потом ещё ребята повторили, так что и без слов всё было ясно. Этот трюк наверняка имеет какое-нибудь длинное название, но я назвал его «теннис». Когда шайба летит по воздуху - а в хоккее и такое бывает - надо на лету поймать её на крюк клюшки и тут же забросить в верхний угол ворот, опять-таки, на лету. Красивый и сложный бросок.

Или вот - финт «лошадка» заключался в том, чтобы, ведя шайбу, оседлать свою собственную клюшку. Шайба оказывается на хвосте «лошади», её нельзя потерять из виду. Глядя на неё через плечо, нужно со льда поднять её на крюк и подбросить в верхний угол ворот. И только забив гол, слезишь с «лошади». Классный финт, чистой воды - акробатика!

Все эти технические моменты я понимаю и без перевода, а вот когда дело доходит до тактики, тут мне приходится туго. Тренер только что объяснил действия главного форварда в тройке и крайних нападающих, кто-кому-куда и зачем... все кивали головами, я тоже кивал. Но они-то поняли, а я не сообразил, бывает.

- Oh, hell, you do not understand! - всплеснул руками тренер и без всяких слов, на языке жестов вполне доступно объяснил мне всё ещё раз.

Сами ребята в команде удивили меня своим нейтральным отношением друг к другу и ко мне. Никто не собирался со мной дружить так, как это могут в России, но и никто не страдал извечным русским синдромом «Кто виноват?» Никто не кричал «Чё ты делаешь?!» или «Куда прёшь, оглобля?». Здесь никто не обращал внимание на твои ошибки, каждый отвечал сам за себя, потому мог запросто до хруста в костях припечатать тебя к борту, если сочтёт это для себя необходимым в процессе игры. А после - похлопает по плечу, извини, мол, сори, если что.

Поселился я в районе Этобико, к счастью своему, не в многоэтажной части кондоминиума, но и не в элитной, где дома, как резиденция Деда Мороза на открытке, а в спальном районе с маленькими домиками, где первый этаж - для авто, второй для хозяев. Постройки теснились близко друг к другу, порой на ширину плеч, много тупиковых улочек, которые заканчиваются круговым разворотом - словно малюсенькая площадь с вставшими в хоровод домами.

Чистота, тишина и нигде никаких заборов. Вот так живут себе без заборов, и ничего. Хотя в этом конгломерате присутствует огромная этническая мешанина и, как и везде, обитают всевозможные деклассанты от психов до наркоторговцев. Но нет заборов. А русский забор вполне мог бы потягаться за звание символа России. Самые величественные - трёхметровые железобетонные противотанковые, самые красивые - ажурные дворцовые, самые доступные - из автопокрышек, спинок от кроватей и сушилок для белья. Самые агрессивные - с битым стеклом в бетоне по верхней кромке. Оказалось, что цветы в России не являются самодостаточным украшением клумбы, на самое видное место втыкают декоративные фрагменты заборов, стилизованных под штaketник или плетень - вот теперь порядок! Я своими глазами видел, как немощная старушка трясущимися руками сооружала забор, пытаясь горизонтально приладить между кустами сухие упавшие ветки. Видел и детский сад, обнесённый двойным рядом стальной ограды, только не помню, вспахана ли полоса между ними. Но заборы - не матрёшки, сувенир не изготовишь, а жаль, разнообразие было бы безграничным.

Вечером я вышел по скайпу на связь, но к моему удивлению, дома оказалась только Ксюша:

- А где родители?

- Папа взял дополнительное дежурство, мама тоже на работе.

- Тоже подрабатывает?

- Не-а, я вчера слышала, как папа ругал маму за то, что она всё время остаётся на работе после работы бесплатно. Он так и кричал: «Ты тряпка, об тебя все вытирают ноги, а ты не можешь никому отказать».

- Видишь ли, маме доставляет удовольствие кому-то помогать, у неё поднимается настроение, она ощущает себя нужной.

- Зато она даже не знает, что она любит, что она для себя хочет! Ты можешь такое представить? Я её спросила, а она не ответила. Вот я, например, всегда знаю, что я хочу.

Я слушал сестру, но у меня в голове были другие мысли, поэтому я перевёл разговор.

- А что у вас вчера на ужин было?

- Мы с мамой пили чай, а папа большую кружку молока с батоном навернул.

- Что, и это всё? - мои подозрения начинали подтверждаться.

- Ну, ты же знаешь, мама худеет, папа на работе покушал.

- А масло-то у вас в холодильнике хоть есть? Сыр, колбаса?

Доверчивый ребёнок сбегал к холодильнику и доложил:

- Полпачки масла лежит, а сыра с колбасой нету.

- А яйца, пельмени в морозилке?

Снова быстрый топот ног.

- Не-а, пельменей тоже нету.

- А ты-то хоть в школе питаешься?

- Фу-у, там так противно кормят. Да мне и нельзя разжедаться, я же на хип-хоп хожу, хочешь, покажу?

Не дождавшись моего согласия, Ксюша включила музыку. Я смотрел танец в исполнении худенькой девчушки, а сам всё думал, как же мне ослабить долговую ляжку, которую тянут родители. Но неожиданно танец Ксюши и мои размышления прервал звонок в дверь.

- Наверно, мама, беги открывай.

Ксюша развернула меня с монитором так, что в проём двери я увидел маму.

- Макс, привет, - махнула она чем-то белым в руке.

Потом, оставив одежду и обувь, подошла и устало опустилась на стул.

- Представляешь, проходила мимо нашего ДК, увидела афишу «Классическая нескучная музыка». Купила билет. Ксюша с папой так на меня наседают, так наседают, говорят, что я не в состоянии о себе позаботиться. Вот я и решила доказать, что ещё помню о своём существовании.

А Ксюша в это время уже нашла в интернете:

- Мама, это же фортепианное шоу, - читала она, - с участием молодых виртуозных пианистов, ла-у-ре-а-тов всероссийских и международных конкурсов! Во-о-от! Они обладают навыками композиции и импровизации... Послушай!

- Да не надо включать, я вживую послушаю...

Но по комнате уже разливалась приятная музыка.

- Божественная музыка, - выдохнула мама.

- Так, мам, платья у тебя приличного нет. Доставай с антресолей каблуки, а я пока посмотрю, что у тебя есть в твоём шкафу.

- О, господи, да не вытаскивай ты ничего! - мама закрыла лицо руками. - Я пойду прямо с работы - в чём буду, в том и буду!

- Вот еще выдумала.

Я незаметно вышел из скайпа, решив, что это зрелище не для моих глаз.

В свой ближайший выходной день я отправился на поиски работы. Пацаны сказали, что подрабатывают по выходным официантами в кафе. Я решил попробовать. Надо только подучить нужные слова. Я заходил во все заведения общественного питания и спрашивал:

- Are there any job?

- There is an employment visa? - вместо ответа меня что-то про визу спрашивали.

- Private visit... как это... TRV! - отвечал я про свою гостевую.

А после этой фразы я везде получал отказ.

- Что такое, - недоумевал я, - здоровый молодой парень, вроде не урод.

И только мастер на стройке, куда я просился чернорабочим убирать мусор, объяснил мне, что здесь предусмотрены большие штрафы за использование труда иммигрантов без трудовой визы. И хоть проси, хоть не проси, никто не будет рисковать.

Я заикнулся отцу, чтобы он через знакомых посодействовал мне, но он категорично возразил:

- Я что, в Канаду отправил тебя, чтобы ты на стройке работал?.. Играй и выкладывайся по полной программе, а о деньгах не думай.

- Да я тебе про свободное время говорю!

- А свободное время используй, чтобы жениться - будет у тебя запасной вариант остаться в Канаде.

- Ты... это сам придумал? - опешил я.

- Нет, вместе с мамой.

Представьте себе высокого плечистого парня с серьёзным, слегка мрачным лицом. Такое выражение у меня бывает всегда, когда кто-то пытается отобрать у меня шайбу... ну, и в другое время тоже на всякий случай. Добавьте к этому словарный запас исключительно хоккейного содержания и пустой карман, и сразу поймёте - это не мой вариант.

Раз с работой у меня ничего не вышло, в следующий выходной я отправился в Зал хоккейной славы, давно мечтал там побывать. Посмотрел раритетные шайбы, клюшки в огромном количестве, одежду и коньки, маски и кубки - всё это фамильное, героям принадлежащее. Увидел «иконостас» всех чемпионов хоккея, нашёл среди них своих. Зашёл в сейф с кубком Стэнли. Но время пролетело быстро, пора и домой. Выйдя в холл, взяв в гардеробе свою одежду, я увидел за окном густой непроглядный снегопад. Хлопья были пушистые и огромные, видимо, снег сырой.

- Подивися, який снігопад, ось угораздило нас, - українська чета одевалась рядом.

- Їх озеро Онтаріо взимку не замерзає, ось і постачає сніг скільки хочеш.

- А чого воно не замерзає-то?

- Так из-за вітрів, та сильних штормів... Так що, низом підемо або поверху? - спросил муж, кивая ни эскалатор, уходящий вниз.

- Звичайно понизу, а то як цуцикі будемо сирі.

И тогда я спросил:

- А что, в метро можно прямо тут спуститься?

- Хлопець, та не тільки в метро, куди завгодно, - ответила мне женщина, - там же триста кілометрів підземних переходів!

- Не триста, а тридцять... - поправил её муж.

- А я що кажу! Триста тридцять! Там тобі і базар, і їдальня, парікмазерская...

- Послушай краще мене, - обратился ко мне мужчина, - точно кажу тобі, заблукаєш! Там стільки вулиць, розвилок, переходів! Чуєш?

- Так либонь, мы не в лісі живемо! Люди ж кругом! Так всі ж знають, язик до Києва доведе.

- А ти запитай у нього, знає ли он їхней язик!

- Не, я не говорю по-английски, - внёс я ясность в разговор супругов.

- Знаєш, хто в Торонто найщасливіші люди?

- Нет, - честно ответил я.

- Ті, хто знімає квартиру в висотке над метро. Они з ранку раніше він одягає білу сорочки, і спускається в метро, і йде собі під землею на роботу, а ввечері назад - так одяга не треба.

- Ось розбовталася, сорока, пішли вже - потянул женщину за рукав её муж.

- ...і всі ці п'ятсот висоток пов'язані між собою під землею - махнула она неопределённо рукою над головою.

- Не п'ятсот, а п'ятдесят, - снова поправил её муж.

Женщина еще что-то пыталась объяснить мне на ходу, спускаясь на эскалаторе вниз, видна лишь одна её голова, но голос звучал, и рука махала.

Мои украинские собеседники, сказали, что там «базар и едальня» - значит, это обычный подземный переход с лотками, магазинчиками, пирожками, музыкантами и нищими, как в Москве.

Я ошибся настолько, насколько деревенский клуб отличается от Крокус Сити Холла. Это был огромный многоуровневый и многоуличный торговый подземный комплекс. Я действительно увидел среди одетых по-зимнему людей - офисные «белые воротнички». Судя по карте этого подземного города «РАФН», здесь можно дойти до вокзала и сесть в поезд прямо из квартиры, не одеваясь. А можно, приехав на электричке их пригорода, под землёй дойти до ледовой арены, где проводятся все хоккейные матчи канадской НХЛ, а потом до аквапарка, можно зайти в мэрию. Можно неделями не выходить на поверхность, решая все свои дела в банках, конторах и офисах. Я немного побродил, немного заплутал. Взял стаканчик колы в одном из залов общепита, посидел в зоне отдыха с фонтаном, выбрался по карте на свою станцию метро, прокатился и вышел на поверхность. Странное смешанное чувство осталось от подземного города ПАФ - то ли зависти к людям, получившим максимальный комфорт, то ли сочувствие, что окружающий мир доступен им теперь лишь в открытую форточку, да по выходным.

Сегодня я с нетерпением ждал вечера, чтобы узнать, как там мама реализовала своё первое личное желание, и вышел в скайп как раз перед её приходом.

«Вся в слезах и в губной помаде перепачканное лицо...» - вспомнились мне слова из песни, когда мама вошла на кухню с растёкшейся тушью, и мы удовлетворённо вздохнули - видимо, понравилось.

- Ну, рассказывай, - уселся отец на кухонный диванчик.

Ксюша принесла ей настольное зеркальце, флакон с жидкостью и ватные диски. Мама начала снимать макияж, неспешно рассказывая.



- Концерт классической музыки, на сцене два рояля, за ними молодые виртуозы...

- Ну всё как я тебе и говорила, - заранее радовалась Ксюша.

- А ну, не перебивай, - одёрнул её отец.

- Я уже приготовилась отпустить душу в рай, как... опустилась в ад.

- В настоящий? Это шоу такое?

- Да помолчи ты!

- Во время приветственного музыкального вступления я силилась понять, что вообще происходит на сцене, откуда эта какофония звуков. Почему я вижу на сцене два рояля, а слышу грохот ударных басов, откуда они? Думаю, может в рояли положили микрофоны, а они закатились к струнам низкого звучания? Или, думаю, в нашем ДК старые раритетные колонки, которые так грохочут и дребезжат? А может зал слишком маленький для такой аппаратуры? Вопросы грудились в моей голове как пчелиный рой, невообразимый грохот сотрясал мозги, так что я ничего не слышала.

- А может сами рояли стали электронные? - предположил я.

- Неужели?! - удивилась мама такому простому объяснению.

- Это звукооператор наверно неопытный или пошутить решил, добавил вам басов, как ни дискотеке, - всё больше прояснял я мамино недоумение.

- Точно, так наверно и было, - задумчиво согласилась мама. - А когда объявили попури на темы произведений известных композиторов, тут такое началось! Каждый звучащий фрагмент отзывался внутри меня по-разному, именно внутри меня. Вот на низкие грубые вибрации отозвалась печень, потом завибрировал желудок. На Прокофьева отозвались два незнакомых органа, но я запомнила их местоположение, потом, думаю, посмотрю в анатомическом атласе, что это было. Может, поджелудочная? Или селезёнка? Никогда не знала, где находятся эти органы.

Отец сохранял спокойствие. Ксюша слушала сверхсерьёзно, я молчал. А мама продолжала:

- А когда объявили Альфреда Шнитке, я, если честно, испугалась за свою голову, спутав его с Ницше. На Шнитке отозвался кишечник во всём своём размере от начала до конца. А так как с кишечником у меня с недавних пор начались проблемы, я очень испугалась того, что выявил этот Шнитке! Я

почувствовала с правой стороны что-то инородное, совершенно определённого размера, может... новообразование, рак?! И тут у меня потекли слёзы.

- Нет, мамочка, какой же это рак?.. Новообразование, - нашла Ксюша, - так и называется, что «вновь образовано». Это всего лишь какашка!

Тут сдерживаться у нас не было ни каких сил. А мама, только что убравшая чёрные подтёки под глазами, ватными дисками вытирала свежие слёзы.

- Продиагностировав с помощью попури свои органы, я подумала, как же мне выдержать еще полтора часа такого внутреннего вибромассажа. Знать бы что полезен, а если нет?

- Шла бы домой, - подсказал я.

- Ну что ты?! Что скажут люди? Подумают, что я ничего не смыслю в классической музыке... А потом, ладно мне ещё сорока пяти нет, а там, знаешь, какие древние любители классики пришли? Если уж они терпели, время от времени деликатно дотрагиваясь рукой до уха, то я что, не вытерплю что ли? И не такое терпели. А потом, музыканты ведь не виноваты, они же хорошо играли. Всё дело в аппаратуре.

- И как ты терпела?

- А потом музыка поменялась. Низы стали похожи на длинные раскаты грома, словно усиленная в микрофон гроза. Да это же бомбардировка! Я помню эти звуки по военным фильмам. И тут мне стало легко. Я увидела себя и всех этих людей словно в бомбоубежище, а снаружи доносились раскаты налетевших мистершмиттов. И вот упала первая бомба, потом ещё и ещё, больше слева бомбили, видно колонки настроены не одинаково. А молодые люди на сцена всё равно играют, да так активно, несмотря ни на что! Мигающие прожектора похожи на сыплющуюся с потолка штукатурку. Но разве нас можно победить! В порыве патриотических чувств я снова прослезилась. Вы бы видели, как я аплодировала ребятам на сцене, когда бомбёжка закончилась.

Дальше мы слушать уже не могла, мы дружно хохотали, и потому не узнали, как мама шла по ночному парку на окраине Москвы и наслаждалась тишиной, которая целительным потоком окутывала её, успокаивала, приводила в себя.

Жить меня устроили в канадскую семью, состоящую из матери-одиночки и двух крупногабаритных дочерей, в небольшой двухэтажный дом. Моё проживание

и питание были оплачены, но однажды я пришёл домой и обнаружил на холодильнике самую настоящую цепь, а на цепи замок. Вот тебе на! Зачем же цепь-то? Можно было и полоской скотча заклеить дверцу холодильника. Или они думают, что я, как русский медведь, начну дёргать дверцу, и только цепь спасёт холодильник от разорения? Я лёг спать голодным, раздумывая над людскими странностями. На другой вечер та же самая история повторилась. Что я сделал не то?

Судя по легенде, бог наказал людей вавилонским многоязычием, но вот интонации он, то ли по недосмотру, то ли специально, оставил всем более-менее одинаковые! Вот я и припомнил, как слышал женский голос, заходящийся вопросом, по интонации очень похожим на вопрос: «Кто разбросал здесь свои грязные носки?» или «Кто оставил в раковине невытую посуду?» Вполне возможно, что девичий дуэт отвечал: «Рашин Макс». Конечно, ничего такого я не делал, и выяснять, в чём дело, не стал, даже если бы эти канадки говорили по-русски. Собрал я сумки, да утром на тренировку со всеми своими пожитками и пришёл.

- Поживи здесь, пока разберёшься с жильём, - провёл меня тренер в медпункт, где в самой отдалённой комнатке стояли стеклянный шкаф, кушетка и стол.

Я скромно расположился в своём новой жилище и стал думать, что делать дальше. Как только я представил, что надо искать организаторов, жаловаться на то, что меня не кормили, выслушивать претензии хозяйки, разбираться... а потом - не дай бог, чего доброго - вернуться опять в ту же семью, я окончательно выбрал кушетку. Там я и провёл всю вторую половину года, и с тех пор окончательно разлюбил чипсы, можно сказать, возненавидел.

Но что сказать родителям, когда в ближайшие дни придётся выйти в скайп? Как не крутил я ноутбук, всё время в экран монитора попадало что-нибудь медицинское или не по-домашнему пустое. И почему стена отделана пластиковыми панелями? И почему на ней плакат с позвоночником? Чем прикрыть стену? Денег нет, ни на что нет...

А что есть? Я осмотрел кабинет и нашёл то, что спасло меня - пачку канадской снегурочки, тупой огрызок карандаша и ластик. Я решил рисовать, но по-настоящему. Я склеил скотчем два листа, поставил на стол видавший вида

конёк и принялся его срисовывать короткими неуверенными штрихами, в тайне сомневаясь, что мои руки способны владеть ещё чем-то, кроме клюшки. Немало я попыхтел и помучился, пока что-то получилось; пока я догадался посмотреть уроки рисования в интернете. Вот тогда дело пошло. Я замахнулся даже на рисунки хоккеистов в движении, интуитивно изучая пропорции тела и законы проекции. Это отвлекало меня от желания что-нибудь съесть, когда есть было нечего. Так и тянулись мои одинокие вечера в маленькой комнатушке безлюдного по ночам спорткомплекса.

- Ой, где это ты? - спросили меня через пару недель по скайпу. - Чего так долго не выходил?

- Некогда было, играли много... А это - другая комната, меня переселили сюда, здесь теплее.

- А-а-а. Классные рисунки на стене.

- Да, мне тоже нравятся.

С тех пор, как у мамы выявилось полное отсутствие экономического мышления, в нашей семье повелось у папы и Ксюши воспитывать её:

- По идее, сальдо должно быть нулевым - сколько труда вложила, за то и получила, - назидательно просвещал её отец, сидя за столом, пока мама сновала по кухне между плитой, холодильником и мойкой, жонглируя посудой и продуктами с волшебной лёгкостью. - Если ты получила больше, чем стоит твой труд, значит ты вор, но если об этом никто не догадывается, то, вроде как, и хорошо...

- ...а если ты получила меньше, чем работала, то ты лопух! и это плохо, - радостно вставила Ксюша и звонко рассмеялась своей удачной реплике.

- Так, умники, - мама закончила сервировать стол. - Закрыли рты и ешьте.

- Это как? - удивилась Ксюша.

А на другой день вечером, вернувшись с работы, мама еще в прихожей выдала отцу горячо и гордо в продолжение вчерашнего разговора, словно он не прерывался:

- Даже если я лопух, то не считаю, что это плохо. Купцы-то московские, ого-го, каковы были! Каждый из них содержал за свой счёт: кто театр, кто оперу, кто больницу или приют, кто библиотеку или целый факультет университета...

- Только, прежде чем они стали богатыми настолько, чтобы помогать другим, они научились считать... А ты, - отец безнадежно махнул рукой, увидев на полу валяющийся ноутбук, - опять притащила работу на выходные и совершенно без-воз-мезд-но.

Эти бесконечные разговоры возымели свой положительный результат. Однажды в пятницу мама пришла довольно поздно, опять с ноутбуком и... с чемоданом!

- Что это?! - встречала её у дверей Ксюша. - Пап, иди скорей, смотри, мама опять работу принесла, теперь уже целый чемодан!

- Ну что я могу сказать, - вышел из комнаты папа. - Будем голодные, грязные и оборванные.

- Я всего лишь учусь заботиться о себе. Я так устала от работы, так устала, что зашла в турбюро и взяла самую дешёвую, самую горящую путёвку к морю, точнее - две, Ксюш!

- Но где ты взяла деньги?

- А перед турбюро я зашла в банк и взяла совсем маленький кредит, только на путёвку и на чемодан.

- Ура! У-ру-ру! - скакала Ксюша вокруг чемодана, а потом неожиданно скрылась из поля зрения.

- Правда, за то, что меня отпустят с работы, мне придётся в эти выходные всё же поработать, - мама со вздохом сняла с плеча сумку с компьютером.

- И теперь у нас два кредита, кроме прочих долгов... Зачем только я тебя ругал.

- Об этом кредите можешь не печалиться, оплачу сама.

Но, прежде чем мама приступила к своей безвозмездной работе, она заступила на кухонную вахту. Ничто не нарушало тишину, кроме привычных звуков посуды. Когда по квартире распространился лёгкий аромат готовящегося ужина, появилась Ксюша с листочком в руке.

- Мам, мне это просто необходимо для предстоящей поездки к морю.

- Ксюш, поедешь в том, что у тебя есть, и так поедем с пустым кошельком по тарифу «всё включено».

- Ладно, - быстро убрала она листочек, - пойдём другим путём.

- Папа тебе тоже скажет «нет», уж я-то знаю его финансовые возможности, точнее - невозможности, - предугадала мама ксюшин ход.

- Посмотрим.

Вечером отец действительно не подписался под приготовленной Ксюшей статьёй расходов, даже поругал её за расточительность. На другой день она зашла с другого фланга и тоже получила от ворот поворот, но к отъезду почти всё, что было прописано в той бумажке, лежало в её сумке.

Через пару недель наши девушки вернулись, сбросили мне кучу фотографий, из которых стало абсолютно ясно, что ни на какие экскурсии они не ездили, даже на те, которые «включены». Ксюша объяснила:

- Во-первых, мы наслаждались покоем, бездействием, мы отдыхали. А во-вторых, мама там работала.

- Что?! - вырвалось у меня.

- Да. Только она так не считает, думаю, она этого даже и не заметила!

Вот как это было. В ноябрьский день своего приезда на египетский курорт мама лежала под навесом из пальмовых листьев и не переставала радоваться, удивляться и наслаждаться. Она рассказывала мне свои первые ощущения:

- В Москве, - говорила она, - я как самовар, у которого всё время кто-то открывает кран: начальство на работе, коллеги, клиенты, домашние, нищие в переходе - всем от меня чего-то надо, и я безропотно отдаю-отдаю-отдаю. А здесь мой самовар начал наполняться. Нет, я не про шведский стол, где я себя всё же сдерживала. Мои глаза, израненные пригородной архитектурой, серым небом и мусорными бочками, теперь жадно напитывались красотой, перебегая с белоснежных стен отеля на волнистые дорожки, изумрудные газоны и цветущие кусты, потом на море, на небо и так по кругу.

- Мам, рассказывай конкретно: что у вас был за номер, чем кормили, как развлекали, и покороче.

- Хорошо, Довлатов тоже не любил сложных и длинных предложений. Номер прекрасный. Кормили замечательно... О чём это я? А-а-а... кроме глаз, я воспринимала этот курорт всей своей кожей, которая уже успела задохнуться под грузом одежды за эти осенние месяцы. Каждой клеточкой я впитывала щедрое солнце, ласковое море и освежающий ветер, плюс бонус чисто женский - непередаваемое ощущение прикосновения длинной тонкой юбки по ногам... кажется, покороче не получилось.

На третий день, когда мамина жадность до красоты и неги поутихла, когда она убедилась, что море и солнце никуда не исчезнут, если она ненадолго отлучится, они с Ксюшей направились в город на прогулку. Хотя мама и ворчала, что очень глупо ходить по магазинам без денег, но не могла отказать Ксюше, воспринимавший магазины как музеи, где можно всё потрогать руками. Когда они вступили на торговую улочку, мама обнаружила дополнительно неприятность - египетскую навязчивость.

ОМама, натужно улыбаясь прилипчивым продавцам, нырнула в лавку, где никто не стоял у входа, словно спасаясь от многорукого чудовища, и затащила за собой Ксюшу. Внутри никого не оказалось, и мама остановилась у витрины с серебряными украшениями, а Ксюша направилась к многочисленным сувенирам, где её ручки так и запорхали над шкатулками, статуэтками и бог знает, еще чем.

Несколько неожиданно прозвучал голос за спиной мамы, она обернулась. Молодой араб на хорошем английском заговорил, рекламируя свой товар, рассказывал, показывал. Мама слушала и удивлялась, как же хорошо она, оказывается, его понимает. Ведь на своей работе по-английски она только пишет иностранным клиентам и читает их ответы, но никогда с ними не говорит. Как же приятно оказалось слушать английскую речь и понимать. Когда закончился его монолог, она, заранее устыдившись своего английского и возможных ошибок, ответила тоже по-английски, взяв в руки серебряного скарабея:

- Неужели какой-то жук достоин такого почитания?

Араб улыбнулся:

- Этот жук имеет удивительную особенность. Он обладает такой развитой интуицией, что способен исчезнуть со своего места за мгновение до того, как его прихлопнут.

- Никогда не слышала, - мама рассматривала жука, так и не находя в нём эстетического удовольствия, даже за его удивительные способности. - Украшение должно быть красиво, а навозный жук априори красив быть не может - выражала она свои сомнения по-английски, пока не подошла Ксюша, заглянула в руку мамы и спросила по-русски:

- Ой, какой жучок, сколько он стоит?

Лицо араба вытянулось, глаза округлились, и он уточнил:

- Вы европейцы, которые так хорошо говорят по-русски?

- Нет, мы русские, говорящие по-английски.

- Русские?! Но, ваш английский безупречен.

- Спасибо.

- А эта-а-а, эта - араб задумался в поисках нужного слова, видно решив поторговаться с Ксюшей по-русски.

- Подвеска, - подсказала мама.

- Шесть доллар, - араб знал по-русски только цифры.

Несмотря на это, несмотря на то, что Ксюша нагло сбивала цену и то и дело, заливисто смеялась над его произношением, а может, и благодаря этому, не без помощи мамы, он произнёс:

- Эта серебряная подвеска для маленька девочка три доллар, - и тут же неожиданно ушёл к себе за стойку, достал тетрадь и записал.

Мама и Ксюша выходили из магазина невероятно довольные. Мама - от диалогов по-английски, а Ксюша - от маленькой коробочки.

На другой день они снова гуляли по торговым улицам. Мама уже не шарахалась от продавцов, а специально заводила с ними разговор о товаре по-английски, продолжая радоваться своему, так неожиданно, открытому умению. А тот продавец, их вчерашний знакомый, поджидал у входа.

- Вчера вы не всё осмотрели в мой лавочке, - начал он по-английски, - позвольте показать вам кожгалантерею, очки, платки.

Его вежливость на фоне окружающей навязчивости подкупала. Они вошли, смотрели, разговаривали: сначала о товаре, а потом о жизни здесь и в России, о людях - обо всём, что интересовало.

- А можно вас попросить, - сказал неожиданно араб, - поучить меня говорить по-русски? Совсем немного, только несколько слов... как вчера.



Он ведь не знал, что мою маму нельзя ни о чём просить. Вернее, стоит только её попросить, как отказать она уже не сможет. И вот мама диктует по-русски: шёлковый шарф, натуральная кожа, барсетка, совсем дёшево, вам очень к лицу... Он старательно записывал, время от времени, возводя к небу руки со словами: «О, май тиче», - значит, учитель. С того дня мама с Ксюшей регулярно, как на работу, стали приходить в лавочку и давать уроки. А когда пришло время уезжать, благодарный продавец предложил маме свозить её на большой рынок, который работает только по ночам, где они сами затариваются. Сказал, что она могла бы выбрать себе, что пожелает, а он сторгует эти вещи за бесценок. Она отказалась. Это было опасно, да и у них не было денег, да она и не думала о награде за свои труды.

Ох уж, эта мама! Даже когда нас, её детей, не было в Москве, она всё равно занималась нами. Могла бы маску для лица что ли сделать или гимнастику - так нет, взяла книгу и загружает голову информацией по волнующей её теме дети-родители, как кастрюлю ингредиентами для приготовления супа, чтобы позже переварить формулировку, поразмыслить в отношении нас:

«Дети смотрят на родителей, как в зеркало - по закону отражения. Родители на детей - «через стекло» по закону отображения».

ИЗамерла, сидит не шевелится, смотрит в одну точку - размышляет. Не знаю, сколько бы это состояние анабиоза продолжалась, думаю долго, если бы не позвонила подруга и не пригласилу маму в гости.

Спустя час она уже сидела на кухонном диванчике и любовалась двухгодовалым малышом, игравшим рядом. Подруга щедро накрывала на стол угощения, а закончив хлопотать, взяла родное существо к себе на колени. И тут это существо лёгким движением руки опрокинуло кружку, разлив содержимое по столу. Малыш удивлёнными, широко раскрытыми глазами смотрел на растекающуюся лужу, на замелькавшие руки, тряпки, потом поднял свои удивлённые глазёнки на маму и увидел... улыбку на её лице. Это была очень добрая мама, она не хотела пугать ребёнка.

«А ведь в этот момент, - думала моя мама, - в голове малыша отложилось следующее знание: чтобы радовать маму, вызывать её улыбку, да и других тоже, нужно почаще опрокидывать чашки на столе! А ведь нужно-то было всего лишь

слегка покачать головой «ай-яй-яй». Мир, конечно, откорректирует это неверное понятие - уже в детском саду малыш за подобное будет наказан, но ведь мама могла это сделать несравнимо мягче. Вот оно! - непонятая ранее формулировка начала приобретать реальные очертания. - Именно так дети, глядя на родителей как в зеркало, на их реакцию, изучают, что нужно, что можно, а что нельзя делать в этом, пока для них незнакомом, мире».

Наверное, моя мама была единственным человеком в Москве, кто благосклонно воспринимал пробки, вот как сейчас на обратном пути, когда нужно было додумать мысль, не упустить, а то останутся от неё одни обрывки, клочки. Уютные кресла автобусного салона держали в своих объёмах, вид медленно ползущей транспортной ленты соответствовал течению мысли. Память услужливо подбросила случай, когда мама, гуляя по парку, наблюдала, как на краю небольшого овражка стояли и разговаривала две женщины, а ребёнок одной из них, устав стоять, сел на попу и скатился. А дело было весной, когда снег уже растаял, и влажная земля сильно испачкала болоньевые штаны и низ куртки, видимо, поэтому женщина так кричала на ребёнка.

«Ну конечно, ребёнок же помнил, как тут зимой катался с горки, вот он и решил проверить, отличается ли коэффициент скольжения сырой земли от снега. Такой любознательный малыш в будущем с таким же интересом будет изучать график гиперболы, хотя нет... после такой реакции матери он может сделать вывод, что любознательность в этом мире не только не приветствуется, но и является пороком, судя по словам, которыми мать награждала ребёнка... Кривые зеркала! Они закладывают искажённые понятия в детские головы, от чего дети обязательно пострадают... Почему же так получается? Может быть, потому что мамы - как настоящие зеркала - отражают буквально: чашка не разбилась, ну и слава богу, штаны испачканы - плохо. А ребёнок ждёт от родителей реакции на себя, на свой поступок - не на чашку, а на невнимательность в первом случае, не на штаны, а на любознательность во втором...

Вернувшись домой, наскоро поужинав, мама села за книгу, точно зная - пока не разберётся со второй частью формулировки, не уснёт.

«Если от «кривых зеркал» страдают дети, то от «мутных стёкол» - родители. Но сначала нужно понять, как это вообще - родители смотрят на детей через стекло».

Эта вторая часть формулировки не давалась маме никак, сколько она не читала. Скрип мозгов улавливался без всяких приборов. Не было рядом никого, кто бы продемонстрировал, и только безучастные буквы словно издевались и непроходимой изгородью не пропускали внутрь, сколько не беги вдоль строки. Мама резко встала и подошла к окну, видно решила пробиться штурмом с помощью прямой аналогии. Подошла к окну, отдернула занавеску, положила руку на стекло.

«Ну, и что я вижу?.. Что я вижу? Ну, детей, играющих на детской площадке. Пусть так. И что?.. А то, что стекло - не зеркало... и я не могу сделать то же самое. Верно. Я не могу сделать тоже самое, хотя бы потому, что я в старом халате и в бигудях, предположим. Кроме того, я и сама уже стара, чтобы носится весь день бегом, лазить верх-вниз по лесенкам, меня даже на час не хватит... Значит, дети показывают родителям то, на что родители не способны, что у них отсутствует, чего им не хватает. Так-так-так. Значит дети, сами того не осознавая, помогают родителям совершенствоваться! Такова их плата! Значит, - пусть пока теоретически, - когда дети активно проявляют что-то, смотри, что именно - это в тебе пассивно: не развито, не сделано. А когда дети «пассивны»: капризничают, вредничают, болеют, всячески отказываются выполнять - смотри, что ты делаешь лишнего, какое качество в избытке, какое поспешное принял решение. Принцип - всё наоборот».

Мама в сомнении отняла руку от стекла, оставив след от ладони. Не совсем доверяя рождённой мысли, пошла на кухню запить для усвоения. Руки привычно двигались, а мысли унеслись в прошлое в поисках необходимых подтверждений этой догадки.

«Вот тётка моя, например, непреклонная волевая дама, всю семью построила. А дочь свою Машу, отдала в музыкалку. Зачем, спрашивается? Да затем, что на музыку отзывается в первую очередь душа, а она у тётушки в зачаточном состоянии: уж если она запоёт во время застолья - туши свет! Вот её ребёнок целых семь лет демонстрировал матери, чего же ей не хватает в жизни - душевной теплоты. И вот что смешно - тётка заставляла Машу заниматься... вместо того, чтобы пойти в дом культуры и самой записаться в хор. Да. Вот так. А сколько ругани бывало каждый раз, когда хватится тётя чего-нибудь, а этого чего-нибудь и нет - Маша кому-то отдала, а кому, и не помнит. А ведь тётя всё это

собственным горбом в дом натащила, хотя нет, будем справедливы - заработала. Но отдавать просто так она физиологически не могла - рука не поднималась. Вот ребёнок и демонстрировал отсутствующую щедрость, за что каждый раз был наказан».

Чужих разбирать - что может быть проще?! Всё ясно с первого взгляда. А вот себя препарировать - больно.

«Значит ли это, что Макс, занимаясь хоккеем, показывает отцу, что тот не сделал в своё время? Так отец и сам это знает. Какой смысл показывать, если упущенного не вернуть? Или это собственный путь Максима? А вдруг всё же отображение отцовской траектории - тогда Макс ничего не достигнет в хоккее, потеряет время и себя». М

«Всё! На сегодня хватит... но почему люди так охотно направляют весь свой мозг на исследование звёзд... бозонов... голых землекопов... Хватит уже думать! ...но совсем не использует мозг в личной жизни... Всё! Спать! ... чтобы анализировать каждый шаг ребёнка, если он, ребёнок, нам помогает... а зем-ле-коп не-по-мо-жет... Хр-р-р».

Мама спит. Она так переживала за меня и всё человечество, что мысль о том, что же лично ей показывает её собственная дочь, как-то обошла мамину голову стороной.

А у меня в Канаде шло время, заканчивался оплаченный год тренировок в молодёжной хоккейной лиге, и я решил попытать счастье - пройти отбор во взрослую лигу, чтобы остаться в Канаде и начать зарабатывать. Узнал, где, приехал на просмотр. Меня поставили на обычную тренировку, после которой тренер сказал:

- Играешь ты неплохо, я бы мог тебя взять, но только через год-два, когда тебе исполнится 21. Видишь, какие жлобы у меня играют? Канадский хоккей - жёсткий хоккей, они тебя переломают на первой же игре, это я тебе гарантирую. Окрепни физически и приходи.

То ли это был вежливый отказ, то ли забота, я так и не понял, но ровно день в день, когда закончилась моя гостевая виза, я сел в самолёт и вернулся в Москву.

- Что ты собираешься делать дальше? - задала мне вопрос мама, когда мы снова все вместе сидели на нашей московской кухне.

- Буду где-нибудь играть.

- А образование не хочешь получить? Любой ВУЗ, где есть студенческая хоккейная команда, возьмёт тебя с радостью. Заодно и в армию не пойдёшь.

- Да какой ВУЗ-то? - неохотно поддерживал я разговор.

- Опять ты за своё! - сердился отец. - Вместо того, чтобы поддерживать в сыне стремление к успеху в хоккее, она его всё время отвлекает! Мне приходится бороться не только со всем этим миром, но и в придачу с тобой!

- Но ведь конкретного плана дальнейших действий у нас нет, поэтому я рассматриваю все варианты чисто теоретически.

- Это у тебя нет вариантов, а у меня - есть.

Отец встал из-за стола, ушёл в комнату, вернулся с распечаткой:

- Выбирай из списка - это команды городов, готовые взять тебя на работу по контракту. Зарплата не большая, но всё же начнёшь играть.

- Ну-ка, что за города, надеюсь, это не Хабаровск? Выбирай хоть поближе к Москве, - мама заглянула в список мне через плечо.

В ночь, когда отец ушёл на дежурство, ко мне на краешек дивана под села мама:

- Как ты думаешь, Макс, вот эта работа по контракту в провинциальном городке - это всё еще подъём?

- Думаю, да. Во-первых, это уже взрослая лига, это уже работа, а не обучение... А ты сомневаешься во мне?

- Я сомневаюсь не в тебе, а в твоём выборе. Я, пожалуй, объясню тебе своё сомнение с помощью математики.

- Мам, хоккеисты в математике, знаешь ли, не очень сильны.

- Да здесь всё просто. Вот представь папа и мама...

- Две половинки одного яблочка.

- Нет, мама и папа +5 и -5. У таких идеально подходящих друг другу родителей, обычно, не бывает детей. Ребёнку здесь просто некуда войти. А вот когда папа +5, а мама -3, то ребёнок, как довесок к маме, будет весить -2.

- Ты хочешь сказать, что если соединить половинку яблока и половинку груши, то ребёнок достроит недостающую часть? Постой-постой, а если соединяться яблоко и арбуз?

- Ну, тогда будет семеро по лавкам, одному ребёнку здесь не справится.

- И какое отношение это имеет ко мне?

- Да не к тебе, а к любому человеку вообще, пока он с родителями. Он как... недостающая молекула... показывает родителям, кому и чего не хватает. Может качество какое-то слабо развито или его вообще нет, может, что-то важное не сделано.

- Ну, а я-то что показываю?

- Меня мучит вот какой вопрос: хоккей - это твой личный путь или... нереализованный талант отца?

- Но мне хоккей тоже очень нравится! Я не хочу больше ничем другим заниматься, я хочу играть...

- Просто ничего другого ты и не знаешь... мы тебе не дали такой возможности. Но, конечно, играй, старайся, жизнь сама всё расставит на свои места. Будь только повнимательней, тогда сам всё увидишь, - мы оба замолчали.

- А бывает и так, что оба родителя +5 и тот, и другой, - продолжила снова мама.

- Ух ты! значит, ребёнок будет на -10? И совсем не похож на родителей?

- Помнишь Тургенева и его Базарова?

- Харламова помню, Михайлова помню, Базарова - нет.

- Так там, - улыбнулась мама, - как раз такой случай описан.

В ближайший выходной, когда все разошлись по своим делам, я скачал на планшет «Отцы и дети». Не скажу, чтобы я внимательно читал. Я пропускал все описания красот русских полей, если они там были, опускал быт русского народа, это было не интересно. Но я очень внимательно читал всё, что касалось Базарова и его родителей. Вот мои родители уж точно противоположны по всем показателям, это явные + и -. А вот родители Базарова, как и говорила мама, оказались так похожи, словно одно существо. Оба настолько любвеобильны, оба мир воспринимали исключительно сердцем. Я бы дал каждому по +10 за любовь. Они так беспомощно, надрывно любили своего сына, словно готовы были отдать

не только самих себя, но и весь земной шар положить к его ногам. А что сын? Он, как та недостающая молекула, на все -20 компенсировал родителям холодный рассудок, разумный подход и логику, воспринимая этот мир исключительно мозгом. А когда сам столкнулся с любовью - растерялся, она в нём не была заложена, всю любовь забрали родители, а сам он её вырастить не попытался.

- Ну а я - что такое? Где я сам, а где я - недостающая молекула родителей, наверно, отца, а Ксюша маму дополняет.

Поезд подошёл к перрону самого обычного провинциального городка, обведённого мною чёрным маркером в отцовском списке. Кабинет директора хоккейного клуба, контракт, общага. Я предвкушал начало взрослой жизни: тренировки, ледовые арены разных городов, тысячи зрителей!.. И всё было бы хорошо, если бы меня за этот год хотя бы раз выпустили на лёд играть! Игра для меня в это год значила лишь процесс переодевания. Не хоккеист, а модель!

- Там, где вопрос стоит на деньгах, нет места риску, - говорил мне тренер, - а значит, и нет места новичку на льду. Даже если я тобой на тренировках доволен, в бой пойдут одни старики. Пойми, это моя работа и я не хочу ею рисковать.

Что мне оставалось? Терпеть и ждать пока кто-нибудь из стариков подаст в отставку? И сколько ждать, год, два, три? Или искать более смелого тренера, который даст мне возможность проявить себя?

И вот, очередной перрон провинциального города, снова кабинет, контракт, общага. Я много повидал тренеров на своём молодом веку. Отец, как прививка, сделанная в раннем детстве, научил спокойно реагировать на самое эмоциональное поведение наставников: на любые децибелы крика и этажи мата. Но этот тренер... Конечно, тренера используют мат при очень важных моментах, но только для обозначения пунктуации, только там, где должна стоять точка, запятая или тире, как раньше в телеграммах использовали ТЧК, ЗПТ. Слушаешь и сразу понимаешь, хорошо он учился в школе или не очень. А этот - из великого и могучего русского языка использовал только местоимения - ты, вы, они и несколько существительных длиною не больше пяти букв: шайба, атака. Зато глаголы, наречия и прилагательные он грубо мастерил по ходу дела из

подручного материала, из того, что имел. Но это к слову. Это было неважно, порой даже смешно. Как-то раз мы с пацанами незаметно записали на камеру его экспрессивное выступление в раздевалке после неудачной игры, а после в общаге так истерично ржали целый час, просматривая видео раз за разом, пока не обессилили. Невыносимым было другое его качество - это его беспросветная тупость. Он требовал довести игру до автоматизма, он нас дрессировал, как зверей в цирке. Ни о какой интуиции, о творческом подходе не могло быть и речи. Он натаскивал нас на определённый набор комбинаций вместо того, чтобы учить менять свои намерения в последний момент, когда противник изменить уже ничего не в состоянии, стараться не повторяться! Естественно, все тренировки были похожи друг на друга, как две круглые шайбы. Совершенно естественно и то, что, когда я огрызнулся на оскорбления, когда я проявил инициативу в игре, то был уволен.

- Пап, да это вообще не тренер, это пародия какая-то! Мне какой в нём толк? Чему он меня может научить? - с жаром отстаивал я свою позицию.

Зря я всё это ему рассказал.

- Ишь ты, какой умный! Все у него плохие, он один хороший! Тебе не надо задумываться и анализировать тренера. Характер тренера - это его проблема! Ты должен был просто хорошо играть и больше ничего! Изо дня в день терпеть и играть, играть с каждым разом всё лучше и лучше...

- Пап, я возвращаюсь в Чепецк, - прервал я отца. - Петр Васильевич меня приглашает. Ты знаешь, там построили крытую ледовую арену «Олимп».

- Да знаю я... - отец, махнув рукой, расстроенный ушел в комнату.

И вот я в Чепецке, я снова среди своих. Так интересно смотреть на тех, кого помнишь детьми, а видишь взрослыми. Я сидел на трибуне новой арены и во время игры разглядывал пацанов, пытаюсь угадать, кто есть, кто. Были, конечно, и незнакомые лица, или я просто их не узнавал? Зато, когда я зашёл к ним в раздевалку, они на меня совершенно не прореагировали.

- Привет, мужики.

- Чё надо?

- Здорово, Саня, Андрюха, привет Миха...



- Ребята, да это же наш фанат! Он нас всех по именам знает! Круто, дать тебе автограф?

- Я тебе сейчас такой автограф дам, что ты не только моё имя, но и фамилию мою сразу вспомнишь.

Могильная тишина, все уставились на меня. Я сел на край скамейки, ковыряя носком ботинка резиновый коврик.

- Постой, я начинаю вспоминать... только я не уверен... это же... Макс-Интеллигент! - вспомнили даже моё прозвище.

И все разом загалдели, каждому непременно надо было похлопать меня по плечу.

- Где, за кого ты играл, что тебя не видно было?

- За Канаду.

- Да, ладно тебе.

- Завтра увидишь на тренировке!

- Вот чёрт, ребята, завтра он кого-то из нас порвёт.

- Не порвёт, он же Интеллигент.

И вот началась работа - тренировки, игры, поездки - всё уже стало привычным. Я отдыхал душой и без усталости трудился телом. Но сегодня - ничего не могу с собой поделаться - не играет и всё. Вот и тренер мной не доволен:

- Макс, ты что не можешь сделать качественную передачу? Где реакция, где сила броска?.. Постой, ну-каними шлем... да ты весь мокрый, ты заболел?

- Наверно.

- Так иди домой, к чему эти жертвы?

- Я не заметил.

- Не заметил! Горит, как раскалённая печь, и не заметил.

А в Москве в один из вечеров состоялся необычный разговор. Отец как бы невзначай между делом спросил у мамы:

- Скажи, у нас есть деньги на жизнь до зарплаты?

- Конечно, на карточке, - мама ловко орудовала утюгом.

- Нет, кроме карточки, у тебя в кошельке.

- Ну, совсем немного есть.

- Дело в том, что все деньги с карточки я проиграл.

- Час от часу не легче, - мама на мгновение замерла, глядя на отца во все глаза, ведь за ним вообще никогда не замечалось необоснованной траты денег, если учесть, что он даже не пьёт и не курит.

- Я играю в хоккейной букмекерской конторе, - следи за утюгом! - и не просто так от нечего делать. Я хочу выиграть денег для Максима и отправить его играть за границу. Здесь мне его положение не нравится!

- Господи, как же это не вовремя-то.

- А что, проигрыш бывает когда-то вовремя?

- Но в декабре у нас, кроме кредита и оплаты квартиры, будут дополнительные расходы.

- А что у нас в декабре?

- Новый год, к твоему сведению! Билеты на поезд туда-обратно сразу шесть штук, подарки многочисленной родне. Ксюша уже сейчас готова ехать покупать, список составила. А потом у неё сразу после нового года мастер-класс состоится по брейк-дансу, желательно оплатить сейчас.

- Ничего, обойдётся плановыми занятиями. И так платим прилично каждый месяц, так они еще и дополнительно пытаются взять. Сколько там надо?

- Десятка.

- Десять тысяч? Они что, совсем обалдели? Нет, за одно занятие десять тысяч - это уже слишком круто.

- А как ты играешь в этой, как её, бук... конторе? - вернула мама разговор в начальное русло.

- А ты знаешь, что значат слова - гандикап, ординар, роспись, фора, вилка, догон, коэффициент... - не желал возвращаться к теме отец.

- Коэффициент - знаю.

- ... американский, дробный, десятичный.

- Можно просто по-человечески рассказать.

- А зачем?

Отец, всем своим сердитым видом показывая, что разговор окончен, сел за компьютер, что-то рассчитывал, писал, какие-то графики, таблицы. Когда закончил поздно вечером, видимо, довольный проделанной работой, подозвал маму, и кое-что ей рассказал с самым серьёзным видом:

- Прежде чем сделать ставку на ту или иную команду, я учитываю физическое состояние игроков: смотрю, есть ли кто на костылях или с черепно-мозговой травмой. Потом смотрю, есть ли в команде новички, пусть даже высокопрофессиональные, ведь они всё равно сначала будут или выпендриваться, или тупить, пока не освоятся... Так, что еще? Выход на игру резервного голкипера, повышает вероятность поражения команды, ведь вратарь - это как... талисман - оставил дома, проиграл. А замена тренера в команде наоборот, часто даёт победу...

- Видно, старый тренер им так надоел, что они на радостях готовы обыграть сами себя, - проявила понятливость мама.

- Может и так. Замечено ещё, что долгая выездная сессия по городам России приводит к проигрышу первого домашнего матча...

- Понятно, ребятки устали, а тут ванна с пенкой, пироги домашние...

- А вся сложность для составления прогноза заключается в том, что, на этом уровне нет однозначных лидеров, здесь каждая команда - потенциальный победитель, - по-настоящему серьёзно закончил отец.

На следующий вечер, когда была вымыта посуда и прибрана кухня, мама подошла к сидевшему, как всегда, за компьютером отцу:

- Я тоже буду играть... Только я буду ставить на тебя, на твой выигрыш.

Теперь пришла очередь удивляться отцу, он своим молчаливым вниманием требовал объяснений.

- Жизнь, знаешь ли, устроена разумно... - как всегда издали начала мама.

- А если ближе к делу?

- Ладно, ближе, так ближе. Какой твой следующий матч?

- Автомобилист-Сочи.

- О,кей! Если ты выиграешь, мы снова залезем в долги и отправим Максима за границу.

- Я что-то не понял...

- Теперь - следующий, назови следующий.

- Локомотив-Металлург.

- Если ты выигрываешь в этот раз, то мы залезаем в долги и качественно пристраиваем Максима здесь, в России.

- Ну, а последняя моя ставка на твой выигрыш...
- ЦСК-Динамо, - начинал понимать отец.
- ... будет такая: если ты выиграешь, то Максим уходит из хоккея.
- Да ты совсем больная! Парень в расцвете сил... - отец резко поднялся со

стула.

Он еще громко возмущался и ходил по комнате туда-сюда, пока мама писала крупно на стикере: «Макс едет за границу», но, увидев приклеенный на монитор листок, успокоился и принялся проверять и перепроверять свои расчёты на первый предстоящий матч.

В тот раз по осени, когда я впервые заболел и в мою амбулаторную карту был вклеен первый лист, я неделю пролежал с высокой температурой, как бабушка не билась. Потом туда ещё вклеивали листы по другим причинам. Но вот и сейчас в преддверие Нового года я снова валяюсь на диване слабый и вялый, как спущенный воздушный шарик. Бабушка наряжает ёлку, вслух перебирая новогодние воспоминаая, убаюкивая меня ровным мягким голосом.

Раздался звонок в дверь, она заспешила открывать. В прихожую ввалилась моя семья, румяные от мороза, запорошённые снегом, с сумками, в предпраздничном настроении, говорящие все разом! И только я бледной молью стою в проёме двери. Это будет самый ужасный новый год.

Семейный праздничный ужин начался по давно установившейся традиции, всё на своих местах - оливье, пельмени, шампанское. Только внутри меня сдавлена пружина и чем дальше бегут минуты, тем её сильнее сдавливает. Когда отец поднял тост, пожелал всем счастья и удачи в новом году, особенно мне - его надежде, его продолжению - пружина распрямилась. Всё! Стоп!

- Я не в основном составе, - тихо прервал я его на полуслове, не поднимая головы.

- Что? Я не понял.

- Я не играю в основном составе... Я запасной.

Гнетущая пауза тут же заполнилась бабушкой.

- Дак, он же всю осень болеет. То с температурой вот лежит, то у него расстройство кишечника. А когда его в прошлом месяце взяли на игру в какой-то

город, так он там единственный из всех умудрился чем-то отравиться, его сутки рвало. В детстве здоровый ребёнок был, проблем не знали, а сейчас...

Я не слушал бабушку. Я видел, как закипает отец. Только понимание, что здесь нет моей вины, сдерживало его.

- Так сходи к врачу, пусть тебе выпишут курс витаминов или еще чего для укрепления здоровья.

Если отец завёлся, его не остановишь, пока весь пар не выйдет. Но тут он словно споткнулся о подводный камень, встретившись взглядом с мамой. Резко встал, вышел в прихожую, схватил с вешалки одежду и ушёл.

Он стоял на крыльце подъезда, пуховик нараспашку, глубоко вдыхал морозный воздух. Метель разошлась не на шутку, гнала и закручивала снег, заметая с утра расчищенные дорожки. Он запахнулся и шагнул в эту снежную круговерть, которая вскоре поглотила его. Мама смотрела на отца в окно, пока его фигура не пропала из виду.

Отец уходил по аллее мимо того пруда в темноту парка подальше от взрывающихся петард и аффективных людей. Ему не нравилось, что все события сошлись в одну точку: его самый первый и значительный выигрыш, злополучный стикер «Макс покидает хоккей», болезнь сына. Было огромное желание разрубить эти связи, разбросать события, разобраться с каждым по отдельности. Так было всегда.

Он вспомнил, как метал громы и молнии, когда пришёл после выигрыша, а мама напомнила ему о своей ставке:

- Я что, похож на сумасшедшего? Я что, скажу, Макс, давай-ка ты не будешь больше играть в хоккей из-за липучего клочка бумаги, что ты мне тут приклеила? Мы же всю жизнь в хоккей вложили, мы все! И теперь бросить всё с бухты-барухты? Нет! И не подходи больше ко мне с этой метафизической ерундой, - он сорвал бумагу, скомкал и бросил на пол.

И вот теперь из его прочного, как стена, плана выпал очень важный кирпич - Максим не играет в основном составе, а все остальные события налипали к нему, создавая единый неразрешимый ком.

Аллея уткнулась в запертые на замок ворота. Отец постоял, развернулся и побрёл обратно по заметённой дорожке, стараясь ступить в свои следы,

вытаскивая ноги из глубокого снега. Он даже не поднял головы на безупречно красивые, ажурные, заснеженные деревья по краям дороги.

А на кухне тем временем мама как примороженная стояла у окна, бабушка водила вилкой по скатерти, я - вообще не существовал. И только Ксюша, переводя взгляд с одного на другого, поняла, что праздник под угрозой, и принялась его спасать.

Она включила радио, нашла приятную музыку, волоком притащила из прихожей большую сумку. Покопавшись в ней и перерыв всё вверх дном, торжественно начала:

- Я не уверена, что под ёлкой мы завтра обнаружим подарки, все уже взрослые как-никак. Так что, вручать подарки буду я и прямо сейчас. Она выудила из сумки прозрачный пакет, доверху наполненный конфетами.

- Здесь 365 штук конфет, - держала она торжественный тон, - и не одна из них не повторяется! Для этого, между прочим, мне пришлось обойти не один супермаркет! А так как по одной конфете покупать нельзя, я покупала по горсточке каждого вида. Остальные конфеты мне пришлось съесть, да, иначе этот подарок не выглядел бы таким... таким...

- Эксклюзивным, - помогла мама.

- Точно! Это единственный в мире набор конфет на каждый день всего следующего года, где ни одна конфета не повторяется! И кому же он достанется, а-а-а? - она многозначительно обвела всех взглядом опытного шоумена.

Сначала она протянула пакет с конфетами мне, но я всё еще смотрел хмурым волком. Она смешно передразнила мной насупленный вид и протянула пакет в мамину сторону. Мама так оживилась и обрадовалась, что Ксюше пришлось резко отдернуть руку, чтобы подарок не ушёл не по адресу. Разочаровав маму, она вручила этот подарок бабушке.

- Бабуля, вот чем хорош твой возраст - тебе сейчас можно всё. Вот маме нельзя есть много сладкого, а тебе можно: и фигуру уже не испортишь и зубы тоже. Весь пакет - весь тебе! Ты знаешь, я там положила еще запасные конфет, те лишние, которые не смогла уже съесть - на всякий случай.

Мама с бабушкой одновременно засмеялись такой неожиданной интерпретации стандартного новогоднего подарка. В кухне «потеплело», лёд напряжения таял, атмосфера праздника возвращалась в эти безрадостные стены.

Ксюша снова пропала где-то под столом, шуршала там пакетами, вылезла, держа плоскую прозрачную упаковку с полосатой тканью внутри, и снова принялась нас дразнить. Протянув подарок маме, сказала:

- Это кажется тебе... не помню, что это... вроде платье.

- О, нет, Ксюш, я же не ношу платья. Ну зачем... - мама почти сморщилась, но не желая обидеть ребёнка, резиново улыбнулась.

- Вот и затем! Чтобы хоть иногда носила, - протянула ей свёрток Ксюша и отдёргнул, когда мама готова была его обречённо принять.

- Макс, это тебе, разверни.

Я недоумённо принялся доставать «платье», которое при ближайшем рассмотрении оказалось тельняшкой - мягкой и теплой. Ксюша обежала стол и принялась помогать мне разворачивать:

- Вот здесь, смотри, вышито «МАКС»! Сама вышивала... ой, а тут не смотри, пожалуйста, тут я шоколадом измазала! А как ты думал, легко разве вышивать?! Вот я уставала и ела бабушкины конфеты.

Я обнял её. Я так долго сосредотачивался на предстоящем разговоре с отцом, что и думать не мог, что будет «после» - этого «после» в моём сознании просто не существовало. Я честно растерялся, потому лишь обнял сестру, задержав её в объятиях чуть дольше.

- Да отпусти ты! - она со смехом колотила своими кулачками, пока не вырвалась, чтобы снова вернуться к своим обязанностям Деда Мороза.

- Не думай, мамочка, что тебе достанется подарок просто так. Ты, наверно, думаешь, что ты последняя, значит, тебя уже не обмануть, да?

- Ну, да, - согласилась мама.

- А вот и нет! Тебе придётся выбирать из двух подарков.

Ксюша вытасила два свёртка, один поменьше, другой побольше.

- Одни подарок папин, другой - твой. Если ты выберешь папин подарок, ему вряд ли понравится твой, даже очень не понравится, так что, не ошибись.

- Вот, беда, - растерялась мама. - А что, если их развернуть? Тогда я точно не ошибусь.

- Ну уж, не-е-ет.

Мы с бабушкой, желая помочь маме, принялись по виду свёртков делать разные предположения, чтобы там могло быть, даже слегка поспорили между собой, чем еще больше запутали маму. Она слушала нас, слушала, и, твёрдо сказала:

- Стоп! Я беру маленький сверток. Даже если я не угадаю, у меня будет утешение, что себе я взяла меньше.

Мама решительно взяла выбранный свёрток, развернула и, к собственной радости, обнаружила там флакон своих любимых, но давно закончившихся духов.

- Ксюша! Ты просто чудо! - мама тоже обняла счастливого ребёнка. - Как же по душе мне твой подарок!

- Так, папин подарок мы откладываем в сторону, но ведь остался ещё и мой!

Она достала из сумки самый обычный почтовый конверт, уже слегка потрёпанный, помахала им перед нами, выдерживая паузу нашего удивления, и достала оттуда пригласительный билет:

- Это приглашение лично мне на участие в мастер-классе по брейк-дансу. Шестичасовое занятие с профессиональными танцорами! Но, оно платное. И вот, что я решила, - сказала хитрющая девчонка. - Я положу этот конверт сейчас под ёлку, а завтра утром проснусь, а в нём наверняка окажется сумма на оплату этого чудесного мероприятия. Как думаете, прокатит этот номер с Дедом Морозом?

Мы были поражены её выдумке, и не нашлись сразу, что и ответить.

- Ну-у-у, - протянула бабушка, - никогда не видела у Деда Мороза наличных... по-моему, он пользуется какой-то банковской картой, я в рекламе видела. А какая в приглашении указана сумма-то хоть?

- Для тебя, бабуля, может это и дорого, а Дед Мороз, думаю, десять тыщ потянет.

Бабушка всплеснула руками и перешла на три тона выше.

- Что?! Одно занятие десять тысяч? Вся моя пенсия за один раз?

- Причём тут вся твоя пенсия? А потом, бабуль, там же будут профессионалы со всего мира! Из Лос-Анжелеса, например.

Ксюша, не желая терять позиции и надежды, потащила нас в большую комнату, нашла в своём телефоне нужную музыку и исполнила у ёлки



импровизированный «танец с конвертом», эффектно положив его в завершении к ногам игрушечного Деда Мороза под пушистыми ветвями настоящей пахучей ели.

Разве можно обмануть надежды ребёнка, который лучше всякого Деда Мороза доставил нам столько приятных минут своими подарками и выдумками? Мы скинулись втроём, чтобы утром услышать радостный вопль на всю квартиру.

Когда отец пришёл домой заснеженный, спокойный, мы сели пить чай. Он, прихлёбывая и всё ещё колеблясь, произнёс:

- Доигрывай сезон, старайся изо всех сил, но, если... - он так и не договорил, оставив меня в некотором недоумении.

В эти новогодние каникулы мы с отцом не пропустили ни одной игры, проходящей в нашем городе, ездили и в Чепецк. В тот последний раз во время разминки команд отец, повернувшись в пол-оборота к Петру Васильевичу, сидевшему на следующем ряду, выпрашивал его всё о командах, об игроках, а сам приглядывался к ребятам.

- Не парься, красные выиграют, зуб даю, - заверил Петр Васильевич.

Началась игра. Отец смотрел, не отвлекаясь, не отрываясь от происходящего. Иногда он бросал отдельные фразы, словно разговаривал с собой, по которым я угадывал, как он оценивает стиль и тактику отдельных игроков, игру той или иной тройки, пятёрки.

- Зуб мне твой не нужен, Василич, но красные в этом матче проиграют.

Когда этот и оба следующих прогноза отца подтвердились, Петр Васильевич, потребовал объяснений.

Отец, постучав пальцем по своему лбу, сказал:

- Вот здесь все чемпионаты мира и России, здесь же - архив игр и тренировок московского Динамо за четыре года, когда Макс там был, плюс год букмекерских ставок, хорошо, что не на зубы, а на деньги.

- Разбазариваешь талант!.. Зарабатываешь хоть?

- Так, по мелочи.

- И все правила знаешь?

Петр Васильевич задумался. Отец только ухмыльнулся.

- Не в службу, а в дружбу, помоги мне завтра, раз ты такой подкованный. Поработай арбитром у шестилеток, у них первый в жизни товарищеский матч, а мне совсем некого поставить.

Я на другой день увязался с отцом - где хоккей, там и я, тем более, мне нравилось смотреть на таких крох в полной хоккейной экипировке: головастые, толстенькие, на коротких ножках - без улыбки, уверяю, смотреть на них просто невозможно. Я предвкушал весёлое зрелище. Но всё пошло иначе.

Первый период прошёл плохо - наши малыши не просто проиграли, они вообще не играли, но родители ещё надеялись. Второй период прошёл так плохо, что родители уже недоумевали. Тренер, сухожилый мужик, орал на детей:

- Что вы как тряпки размазались на льду? Упали, так вставайте, нечего лежать! Соберитесь!

Ребята были подавлены. Кто-то шмыгал носом, кто потирал многочисленные ушибы. Видно, первый матч выглядел в их представлении совсем иначе.

Тренер продолжал в том же духе, пока кто-то из родителей не пришёл в себя:

- А вы, вообще-то, с ними занимались?

И тут родителей прорвало, они подняли переполох, и теперь уже тренеру пришлось несладко. На шум подошли Петр Васильевич и отец.

- Почему уровень подготовки наших детей настолько плох по сравнению с теми же по возрасту детьми?! - возмущались родители. - Почему они не готовы к силовым приёмам, почему они вообще не могут играть?!

- Ваш тренер давно уже написал заявление об уходе, но я просил его доработать сезон. Но сегодня, сейчас я сообщаю, что подписываю его заявление. Константин Андреевич, вы уволены!

Шум резко стих, как откатывает с берега волна. В этой тишине и удалился бывший тренер.

Родители более пострадавших от столкновений детей собирались забрать их домой.

- Нет, так не пойдёт. Ещё ни одна команда не сдалась без боя за полувековую историю клуба! - остановил их Петр Васильевич. Матч закончится

через полчаса, а слабость и трусость останутся на всю жизнь. Надо доиграть, ребятки, надо.

- Но это невозможно! - зароптали родители. - Это бессмысленно!

Родители шумели, Петр Васильевич убеждал, отец стоял рядом, всматривался в лица ребят - растерянные, испуганные, беспомощные, раздавленные грузом восьми заброшенных всухую шайб. В его голове работала сумасшедшая мысль: «Ребятам нужна всего одна забитая шайба, всего одна, любым путём...»

И тут отец молча снял повязку арбитра и, повязывая на руку Петра Васильевича, негромко сказал:

- Василич, дай нам минут десять-пятнадцать.

Объявили тайм-аут.

Отец сказал поникшим детям и взрослым:

- Этот матч вы проиграли. Хотя, конечно, это матчем не назовёшь, да и хоккеем тоже, шоу какое-то... - он сделал длинную паузу, додумывая свой план, не веря ещё в реальность идеи, - а раз это шоу, можно попробовать кое-что... Хоккейную тактику мы использовать не можем - её у нас просто нет, а военную хитрость мы, пожалуй, используем и еще... дамскую пудреницу... непременно круглую и чёрную.

Все подняли на отца недоуменные глаза. Женщины зашуршали в сумках, готовые на всё ради детей.

Мне пришлось спуститься с верхнего ряда и тоже поучаствовать в операции, план которой был прост в задумке, но невероятно сложен в исполнении.

Всё началось как в первом и втором периоде - очень плохо. Но ребята не переживали, перед ними стояла другая задача - создать толпу и прижать противника вместе с шайбой к определённому месту борта площадки. Там их поджидал самый крупный из ребят мальчик и я. Когда шайба оказалась в нужном месте, этот мальчик, Лёха, упал в самый центр заварухи прямо на клюшки и шайбу. Я тут же вдоль борта за чьими-то спинами опустил на лёд пудреницу - та, оказавшись в поле внимания малышей, была подхвачена противником и понеслась к нашим воротам, а наши пацаны преследовали врага плотной толпой, прадеды могли бы ими гордиться. В это время капитан нашей команды - озорной и веснушчатый мальчишка повёл настоящую шайбу к воротам противника под

прикрытием Лёхи. Со стороны эта парочка выглядела странно: два хоккеиста плечом к плечу чуть скованно движутся к воротам противника, их клюшки близко друг к другу - пятки вместе, носки врозь - а между ними невидимая шайба. Остальная орава создавала полную неразбериху и столпотворение вокруг пудреницы - чего-чего, а это они умели. Их теперь не пугали столкновения с более опытными - они как неваляшки падали-вставали, знали, что это нужно для победы. Озорной капитан, приблизившись к воротам, неожиданно для вратаря нанёс удар, в это же время Лёха, как его проинструктировал отец, растянулся на бис во всю длину перед самыми воротами, что оказалось вовремя, так как шайба отскочила от штанги ворот и тут же упёрлась в Лёху. Несмотря на то, что вратарь противника успел очухаться и всячески сопротивлялся, капитан с Лёхой буквально засунули шайбу ему в ворота.

Когда раздался свисток, обе шайбы были в воротах.

- Любаша, твой выход, - тихо сказал мужской голос.

- Пудреница, моя пудреница! - закричала женщина, когда её пудреница оказалась в руках арбитра. - Вы понимаете, мне ресница в глаз попала, я её доставала, - тархтела она. - А потом меня кто-то толкнул под локоть, и пудреница упала на лёд, - женщина поспешно вырвала свою потерю из рук судьи, чтобы тот не заметил узкие полоски скотча, надёжно соединяющие бока коробочки.

Когда на табло счёт 8:0 заменился на 8:1, наша проигравшая команда словно сошла с ума. Мало того, что они орали, толкались, обнимались и махали клюшками, так к ним на лёд неудержимой волной вынесло особенно эмоциональных мам, желавших обнять своих чад, а за ними и пап, чтобы ловить своих мам на льду. А команда победителей в недоумении наблюдала эту картину, так и не поняв, что это такое было?

Когда все успокоились, когда радостная толчея переместилась в раздевалку, туда же зашёл Петр Васильевич и сообщил, что только что предложил моему отцу должность тренера в их команде.

Снова поднялся счастливый вопль.

- Да подождите орать, он же его ещё не принял.

- Ура! - пошла новая волна истерии.

- Ответ он даст через неделю.

- Ура новому тренеру!

Петр Васильевич беспомощно махнул рукой и вышел.

В конце мая приехали из Москвы мама с Ксюшей. У меня закончился сезон, который я так и провёл в запасе. Моя амбулаторная карта в поликлинике распухла, как у старика.

- Макс, - сказала мама, - посмотри на свою больничную карту, на эти нелепые болезни. Больших подсказок жизнь тебе дать не может. Точнее, может - последнее китайское предупреждение «кирпичом по голове», - но до этого лучше не доходить.

- Тебе нужно сделать выбор, - сказал отец.

- Чего выбирать-то, - нехотя пробубнил я.

О-о-о, родители подготовились к этому разговору на славу! Они наперебой рассказывали мне, какие замечательные ВУЗы есть в нашей столице, и каким интересным специальностям там обучают, и какие заоблачные дали меня ожидают. Я в разговоре не принимал участия, но это не мешало родителям общаться со мной, рассматривая плюсы и минусы, отвечая на вопросы, которые я им не задавал.

Я молчал.

Тогда они перешли к плану «б» - к возможности моего трудоустройства. Тут они тоже горячо и активно обсудили, куда мне можно пристроится с моим опытом, где и какая зарплата, перспективы роста.

Я молчал.

Я ждал третий вариант. Я ждал, когда отец скажет о том, что можно бы ещё попробовать в хоккее, что надо идти к своей цели и не сдаваться... но нет. Третьего было не дано. Видимо, родители в меня уже не верят, махнули рукой, наверно думают, что зря со мной так долго возились все эти годы, зря выкинули столько денег на ветер. От этих мыслей я становился всё мрачнее и мрачнее, так что отец, словно угадав мои думы, не выдержал:

- Тебе не надо бросать хоккей. Мы его с тобой поделим пополам. Я буду зарабатывать на хоккее, а ты будешь играть в своё удовольствие... но зарабатывать будешь каким-то другим способом. Вот это сейчас и нужно решить.

Я вышел из оцепенения.

- Да?! Где же я буду играть в хоккей в своё удовольствие, в коробке под окном что ли? Или там, на пруду? И с кем? С пацанами со двора?

Я вышел из комнаты, достал с балкона велосипед и, не сказав больше ни слова, покинул квартиру. Я катил по старому пригороду в бабушкин сад. Как снег летели по ветру лепестки отцветающей черёмухи, густо пахла набирающая силу сирень. Неожиданно у меня возник свой собственный план: привлечь бабушкину знакомую из областной больницы к полной диагностике моего нездоровья, чтобы выяснить, что там у меня со спиной и с желудком, восстановить здоровье и отыграть следующий сезон на высоте.

В один из ближайших вечеров, когда моя семья уже готовилась ко сну - Ксюша плескалась в ванной, громко напевая, мама с бабушкой смотрели душещипательный фильм, щёлкая семечки, я листал спортивный журнал, лёжа поверх постели - отец спросил меня:

- Форма твоя готова?
- Она всегда готова.
- Собирайся и поехали.
- А ты на часы-то смотрел?

Отец отказался что-либо объяснять не только мне, но и встревоженным женщинам. Мы быстро оделись, я взвалил сумку с хоккейной формой, и через час мы уже были в ледовой арене. Отец оставил меня в холле и вскоре подошёл ко мне с мужчиной лет сорока.

- Вот он, - показал на меня отец, - очень хочет играть.

- Ну я же говорю тебе, если бы это хоть тренировка была, а то ведь игра! Давай в следующую субботу приходите.

- Да он играет нормально, я тебе отвечаю, он с пяти лет на коньках. И деньги за лёд я внесу, знаю, что вы платите, - отец протянул мужчине деньги. - Ты только выпусти его на лёд, а если что не понравится, сразу же удалишь из игры, делов-то.

- Ну, если так... - думал мужчина. - Ладно, велика вероятность, что мы сегодня всё равно проиграем, так что... Играешь до первой ошибки, понял? - обратился он ко мне.

Оказывается, это был не тренер, а капитан команды. Я был удивлён, когда меня ввели в раздевалку и представили команде великовозрастных мужиков, как оказалось, игроков НХЛ - Ночной Хоккейной Лиги - любителей хоккея.

- Пацан уж больно рвётся поиграть, пусть минут пять покатается с нами, - сказал капитан.

Мужики дружелюбно кивнули. Началась игра с такими же возрастными любителями из Чепецка. В первый период меня не выпустили на лёд, и я приглядывался. Как же азартно они играли! Никакого ожесточения - оно и понятно, ведь хоккей для них только игра, при том - любимая, а не источник дохода. Я оценил силы противника и своей команды, перевес ощущался не в нашу пользу. Втайне радуясь, я определил своё преимущество, которое давал мне мой возраст, преимущество это - скорость. А нам тем временем забросили уже три шайбы, и я сидел словно на иголках. Наконец-то, во втором периоде меня выпустили на лёд после еще двух залётных шайб, когда мои товарищи заметно приуныли. Никогда я не чувствовал такой свободы, выходя на лёд - свободы от цепких глаз и требования тренера, его здесь вообще не было! Свободы от необходимости соперничества среди своих, от необходимости всё время что-то доказывать, свободы от карьеры и заработка. Весь этот ненужный груз разом свалился с моих плеч. И меня понесло. Естественно, шайбу мне никто не давал, да и не собирался по ходу игры. Ну что ж, придётся её взять самому и от всей души поиграть. Это был мой звёздный час. Я был настолько быстр и непредсказуем, что мои пасы не всегда успевали принять даже свои, и мы теряли шайбу, но, когда мужики приняли заданный мной темп, шайбы посыпались в ворота противника как горох. Ну, может я преувеличиваю на счёт гороха, но мы сравнивали счёт, а в третьем периоде обошли чепецких. Никогда не испытывал я от игры такого эмоционального подъема и накала, а от каждой заброшенной шайбы в ворота противника моя команда излучала столько громогласного счастья под купол арены, что, казалось, впору осчастливить всех людей этого спящего города.

«К чёрту учёбу! - думал я в такси, возвращаясь домой далеко за полночь. - Раньше я играл, чтобы зарабатывать, а по мне, так лучше хорошо зарабатывать, чтобы вот так играть! Насколько же честнее, чище и круче игра, за которой не

стоят деньги! А мне-то казалось, что деньги стимулируют хоккеистов, а оказалось на самом деле - ожесточают».

- Что-то ты был не очень похож на больного, - сказал отец.

- Вообще не чувствовал своего тела!

В ближайшие майские выходные мы с ребятами с утра отправились гурьбой на пляж открывать купальный сезон. Пляж был почти пустой, во всяком случае течение реки никто не нарушал. С него открывался вид на город, расположенный на высоком красноглиняном холме, который круто обрывался к воде. С одной стороны, холм ограничивал глубокий овраг, на дне которого за белыми монастырскими стенами чернели купола храма, с другой стороны холм плавно спускался к старому мосту через реку.

Мы купались шумно и азартно, крича и смеясь, поднимая столбы брызг, пока не замёрзли. Расположившись на чуть тёплом песке, ребята принялись играть в карты, а я, как не любитель, наблюдал за игрой, да за юными художниками с мольбертами на краю пляжа.

Постепенно мы согревались, игра накалялась, а художники один за другим расходились. Я видел, как самая близкая к воде девочка из оставшихся, нервно кусала губы и неожиданно бросив кисть в песок, пошла к воде. Зайдя по щиколотку в воду, уперши руки в бока, она смотрела на пейзаж, который, видимо, никак не хотел ложиться на её холст.

Я не удержался, натянул шорты и подошёл к мольберту. Переводя глаза с рисунка на город за рекой и обратно, я, увидел, в чём её проблема. Подняв глаза в очередной раз, я наткнулся взглядом на лицо, на котором ещё не высохли следы от слёз, но угрожающе грозно были сдвинуты брови. «Девушка-туча», - подумал я.

- Ты кто такой!

- У тебя вот здесь не хватает белого, - показал я пальцем.

- Чего ты лезешь? Убери руки!

- А вот здесь добавь тёмного, тёмно-синего.

- Тебя никто не просит советовать, выскочка!

- А вот сюда, на берег надо добавить контраст.

- Пожалуйста, отойди!



На шум неслышно по песку подошёл руководитель и слушал мои рекомендации.

- Поправьте, молодой человек, её рисунок, - предложил мне художник.

- Я не умею рисовать красками, я только карандашом.

- Детский сад, карандашами - скривилась «туча».

- Марина, попробуй-ка сделать, что он сказал, - обратился художник к девушке и стал наблюдать.

Я тоже наблюдал и время от времени ещё тихонько подсказывал.

- Зато теперь я, кажется, поставлю тебе зачёт. Посмотри, появился объем вот здесь и здесь, появился воздух, берег уже не картонный...

- Ну, спасибо, Виктор Иванович! Мне такой зачёт не нужен, вот этой выскочке и ставьте. А я сама хочу рисовать, - в её голосе всё звучали слёзы.

- Делай, как знаешь, Марина, только постой молча всего пару минут, - и обратился ко мне. - Сделайте, пожалуйста, набросок вот этой грозной головы.

«Точно, - подумал я, - не девушка-туча, а девушка-гроза».

Мне дали карандаш и бумагу. Как же она злилась - фыркала, поводила плечами, поджимала губы, закатывала глаза. Но я всё же сделал эскиз её лица.

- И кто же вы по образованию?

- Спортсмен, хоккеист.

- Предлагаю вам не зарывать свой талант в песок, а окончить художественную школу и получить диплом.

- Сколько учиться-то?

- Все учатся пять лет, но я же не знаю ваших способностей, может быть уже следующим летом вы сдадите экзамены экстерном.

- А если не сдам?

- Продолжите обучение дальше, - он разглядывал мой рисунок, потом сложил вчетверо и написал реквизиты школы, крупно свои имя-фамилию, телефон.

- Спасибо за предложение, я подумаю, - я так вежливо благодарил, то он прочёл это как отказ.

- Не зарывайте свой талант в песок, - повторил он, - я два летних месяца работаю, можете уже сейчас начать заниматься, - и вручил мне сложенный листок.

Я пришёл домой к самому обеду голодный, бросил пакет в прихожей и сразу за стол.

- Пап, ну что там твой знакомый, берёт меня к себе в цех?

- Берёт.

- Макс, что это? - мама, стоя в проёме двери, держала в одной руке моё мокрое, всё в песке полотенце, в другой - рисунок.

Я бы легко отговорился и свалил бы всё на кого-нибудь из парней, если бы не адрес и телефон художественной школы.

- Ну, так иди, учись, - сказали мне родители почти хором, когда я всё рассказал.

- Ну уж нет, хватит с меня учёбы. Да и кому сейчас нужны эти художники?

Мать всплеснула руками, отец поднялся. Я еще не понял, что я того сказал, но сейчас я об этом узнаю.

- Ты что совсем бестолковый? Тебе что, жизнь каждый день будет преподносить такие предложения на блюдечке с голубой каёмочкой? Тебе, дураку, видно мало моего опыта? Я вот проворонил свой шанс, не принял когда-то предложение, хоть и не по своей воле, а по родительской. А ты сейчас совершаешь ту же самую ошибку, только уже по своей личной дурости.

- А ты что, умеешь рисовать? - спросила мама, как всегда вовремя.

Я принёс и показал им свои рисунки, выполненные в Канаде и других городах, где я скучал по выходным. Их накопилось уже целая папка: хоккейная тематика, много городского пейзажа, портреты. Сначала это были чёрно-белые карандашные зарисовки. А когда мне стало интересно поработать с передачей цвета, я купил пастельные мелки, акварельные карандаши.

- Ну, точно, дурак, - похвалил отец, удовлетворённо просматривая мои работы.

Через год мы с Маринкой сидели, испачканные краской, закончив роспись стен вентиляционной будки, которая нагло выпячивалась наравне с домом культуры и портила вид прекрасного старинного парка в глубине перспективы. Это наша дипломная работа. Мы ждали представителя градостроительной компании. Он скоро подъехал.

- Ну что, ребят, неплохо. Издалека сливается с фоном, так, что сооружение почти не видно, - он не спеша обходил будку кругом. - А вблизи - произведение искусства, пусть народ приобщается. Я видел в Москве на Тверской картины прямо на улице на стенах домов висят, и ничего, целёхоньки. Глядишь, и мы не подкачаем.

Он протянул нам листок в файле.

- Готовьте эскизы, это список объектов на реконструкцию. А теперь - в машину.

- Куда и зачем? - нахмурилась Маринка.

- Дам инструкцию по самому главному вашему объекту, объекту номер один. Мы аккуратно забрались в машину, опасаясь испачкать чехлы.

- Давай домой, - сказал большой начальник водителю.

Мы вышли из машины у нового дома в элитной части города, его уютный двор нарушал вид задней стены подземной стоянки.

- Пусть здесь будет лесное озеро, - махнул рукой начальник, - дикое, по краям заросшее осокой и камышами, а из-за угла виден ствол моего охотничьего ружья... ну, и конечно, утки, побольше.

Он протянул нам деньги.

- Объект не срочный, но, чтобы с душой.

- Ружьё-то какое?

- Что? А... двустволка гладкоствольная старинная, как у моего деда.